

Своя земля

«Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется».

А. Я. ЯШИН,
«Угощаю рябиной», 1965 г.

Скитания по вологодским лесам, охота, рыбалка. Азартен и неутомим был Александр Яковлевич Яшин. Высокий, широкоплечий, он шумно пробирался сквозь ельники, но умел и ходить неслышно, зоревать на озерах, поджидать медведя на лабазах. Во всякую охотничью или рыболовную затею он вносил задор и мудрый расчет. Не огорчался неудачей (всякое бывает!) и умел по-детски радоваться удачному выстрелу или красивой подсечке крупной рыбы. Много было совместных походов и вылазок, удач и неудач, досадных промахов и сладостных ощущений добычи. А чего стоит добрый глоток лесного, настоящего на хвое, воздуха, приятная усталость, когда гудят ноги и плечи! Живителен чай с брошенным в кружку смородиновым листочком. Запах чуть пригоревшей каши, аромат свежей ухи, в которой еще рыба «хвостом бьет». Отдых или ночевка у костра располагали к долгим неторопливым беседам. Открывалась душа. Теснились воспоминания, а с ними и самое заветное...

Одержимость

... Архангельск. Тридцатые годы. В двух тесных, прокуренных комнатах местного отделения Союза писателей шумно и оживлённо. Литературные споры, дружеский разбор новых стихов и рассказов, обмен новостями. Александр Яшин в пестрядинной деревенской рубашке, в гетрах, по моде тех годов, был непременным участником жарких литературных боёв, но явно предпочитал им спокойную задушевную беседу о поэзии. Он затаскивал кого-нибудь из присутствующих на клеёнчатый диван и вынимал заветную тетрадку со стихами, читал и пылливо вглядывался в глаза собеседника.

- Ну как? - и ждал нелицеприятного ответа.

Он не терпел увливания, дружеской снисходительности. Морщился, как от зубной боли, когда, не подумав как следует, цедили обкатанные, подобные булыжнику слова или неискренне подбадривали: тетрадка захлопывалась, разговор кончался. И другое дело, когда собеседник отзывался поэту сопереживанием, улавливал в стихотворении зерно чистой поэзии.

В таких случаях Александр Яшин как бы озарялся внутренним светом, хотя в словах оставался сдержан. И дотошно расспрашивал: а вот чем понравилась эта строка, эта метафора? И тогда, в стихах тех лет, сквозила забота о «глубине вспашки», о заострённости формы. Можно было удивляться его плодовитости, но он умел безжалостно отбрасывать неудавшееся, несовершенное. И вот уже значительно позднее довелось узнать о его работе над стихами ещё в школьные времена. Оказывается, он уже тогда носился с тетрадями, полными стихов, и его даже прозвали «крыжим Пушкиным». Его преданность поэзии была безгранична.

Литераторы Архангельска, помнится, были чрезвычайно обрадованы выходом в свет первого номера журнала «Звезда Севера».

- Вы понимаете, что это значит? - взволнованно говорил Александр Яковлевич. - Печатный орган поможет теснее сплотить нашу литературную молодёжь, полнее выявить таланты.

Стихи Александра Яшина - а они часто печатались в журна-

ле - вызывали уважение серьёзной разработкой темы, подкупали упорным стремлением к совершенству формы. И тогда он уже умело находил интересные темы, определяя их гражданственную сердцевину, - его волновали коренные перемены в жизни деревни.

В те годы в Архангельске работали Сергей Николаевич Марков, Константин Иванович Коничев, Владимир Иванович Жилкин, Евгений (тогда ещё Женя) Коковин, такие колоритные фигуры как Степан Писахов, Пэля Пунух, Георгий Суфтин. В общении с ними проходило мужание поэта. Интересно было слушать словесные состязания К. И. Коничева с Александром Яковлевичем, как говорится, на предмет знания северного фольклора. Они, уроженцы разных мест Вологодской области, отстаивали каждый своё, родное.

- Я - певец Кубеноозерья, - обычно шутливо возглашал Константин Иванович.

- А я - патриот Юг-реки, - тоже шутливо, положив кулак на грудь, отвечал Александр Яковлевич.

Заговоры от всякой хвори и причитания, бухтины и частушки-побрехушки... В спорах искрился подлинный народный юмор, определялась золотая цена меткого и точного народного слова. К чести Яшина, надо сказать, он не уступал в знании крестьянских обычаев, народного языка старшему по годам и умудрённому жизненным опытом Константину Ивановичу.

- А вот послушай, какие на Никольщине послания к лешему бывали, в расщеп дерева вкладывались, - и Яшин сыпал из веков изустно дошедшими заклинаниями, обращениями к мифическим существам, ко всякой лесной нечисти.

Многое знал поэт из обихода ведунов, знахарей, бабок-причитальниц, знал сотни песен, сказаний, прибауток. Всё это помогло ему в работе над стихами.

Не погрешив против истины, можно сказать, что поэт проделывал огромную работу над строкой. Познакомьтесь с рабочими тетрадями поэта, которые мы имели счастье видеть у его вдовы Златы Константиновны. Терпеливая работа над поворотом темы, связкой между строфами, усилия гранильщика и шлифовальщика над эпитетом, рифмой. Иногда какой-то всплеск озарения, новая грань, прямо-таки ошеломляет ослепительной ясностью поэтического видения.

Литературный молодняк Архангельска всегда удивляла и пора-

жала одержимость Александра Яшина поэзией, его серьёзность, взыскательность, ответственность в работе над словом, строкой, над образом. Четыре молодых архангельских поэта выпустили сборник стихов «Беломорье». Много в нём было незрелых, недоработанных и явно «несостоявшихся» стихотворений. Интересно было послушать мнение Яшина, которое он высказал, как всегда, категорично, конечно, перед этим основательно проштудировав стихи сверстников, собранные «под одной крышей».

- Черти, мало поработали! Безответственно. А могли бы! - он пальцем тыкал в удачные стихи Владимира Мусикова и Стефана Нелзвецкого.

Молодые поэты вздыхали. Но, удивительно, - перечить не смели: авторитет Яшина был уже и тогда высок. Ему завидовали, некоторые опасались справедливого, но острого слова-отзыва. Были и недоброжелатели:

- Что он тут со своей коллективизацией вечно тычется? Или про Василия Мусинского заладил...

Александр Яковлевич, прослышав про такого рода суждения, лишь сожалеючи суживал глаза. Он-то, тогда газетчик и начинающий поэт, хорошо понимал огромность темы: зрело осмысливал значение почина знатного лесопильщика Мусинского, имя которого, кстати, носил один из лесопромышленных комбинатов Вологодской области.

- Я таким отвечаю просто, - говаривал Александр Яшин. - Чирикайте, как хотите, а я по-мужицки, основательно... Я поставлен как пług в борозду...

И «широкоскулое упорство Саши Яшина», как сказал о нём один поэт, светилось в его глазах. И часами мог он говорить о делах родного колхоза и района, и чувствовалось, как близко принимает всё это к сердцу, а сердце у него широкое, умное. Он смотрел на всё глубоко и судил здраво, и до всего ему было дело, ничто не оставляло его равнодушным.

У заветного омута

*Пойдем пешком
Тропинкою лесной
К живой воде,
К былинному ручью*
А. ЯШИН

Давно мы собирались заманить Яшина в глухомань кемских лесов. На этот раз Александр Яковлевич сказал: «Едем!»

- Приехал погостить, а сам дома не ведешься, - вздохнула его мама Евдокия Григорьевна, хлопоча возле печки.

А сын уже налаживал удочку, проверял патроны. На сборы ушло часа два. Завечерело.

А тут ливень обрушился на землю, забарабанил по крыше дождь, и потекли по стеклам чистые, незамутненные струйки воды.

Но от поездки мы не отказались. К утру дождь выдохся, и мы двинулись в путь. Часа через три добрались до села Никольское, что километрах в семидесяти от райцентра.

Надеялись порыбачить в омуте на Лундонге. Один из нас недавно облюбовал его - уж очень удачной была рыбалка. Но как пройти к омуту ближним, кратчайшим путем? Можно было бы продвигаться берегом реки, но тогда нам пришлось бы отмерять добрый десяток километров. Лундонга петляет, делает повороты-хоботы, как называют кемляки речные излучины. Ни колхозный бригадир Иван Андреевич, ни знакомый лесник так и не смогли толком рассказать, как нам напрямик добраться до заветного местечка.

От села Никольское километров шесть ехали на «газике», который отлично вел Юра. Тогда он работал в далеком чукотском городе Певек на «КРАЗе». В отпуск приезжал на родину. Проселочная дорога вывела нас на пожню, уперлась в ельник. Дальше уходила в лес лишь узенькая тропка. Мы еще раз проверили свои рюкзаки. С собой взяли самое необходимое: продукты, топорик, резиновую лодку, удочки, а Александр Яковлевич и ружье. Пока собирались, прошло добрых полчаса. Наконец двинулись в путь. Идти было нелегко: за плечами увесистые вещмешки, одежда. Тропинка вывела на прямую, как стрела, просеку. Ориентируясь

по солнцу, я чувствовал, что идем правильно. Вокруг разукрашенные осенью деревья. Дремучие леса распростились на многие километры.

Минут через сорок мы вышли на заросший берег Лундонги. Продвигаться здесь было труднее. Едва заметную тропку преграждали когтистые сучья валежника, полусгнившие и почерневшие кусты ольшаника, заросли ивняка и молодых лип, черемушник. На мочажинке из-под ног вырвался вальдшнеп. Ожиревшая птица долго и тяжело поднималась вверх, потом мелькнула среди желтых ветвей березки. Вальдшнеп улетел, а наш охотник продолжал держать ружье у плеча. Вот досада! Привык он к своему «зауэру», забыл, что у племянника, тракториста Васи, ружье курковое и, прежде чем стрелять, курки взвести надобно.

- Эх, упустил, - досадовал Александр Яковлевич. Но досада у него быстро прошла.

- Добыча - это попутное. А в лесах, да еще кемских, лишний раз побывать, это считай за великую удачу, счастье.

Счастье, назначение человека на земле - излюбленная тема поэта. Но, конечно, не решать же ее скороговоркой по пути, скажем, к грибным местам или утиному озерку. Тут он отходил народными изречениями, присказками, часто очень меткими. Лучше всего о долге, о счастье человека сказано в его стихах.

Вдруг к Александру Яковлевичу привязались строчки собственные, и он их бубнил на ходу:

Еще сильнее год от года

Потребность в жертвенной любви.

Жертвенная любовь. Так понимал он счастье. Любить - отдавать себя, делать добро.

Под обаянием этих строк вспоминалось, что поэт не только призывал спешить делать добрые дела. Он их делал, и немало. Он был добр и очень строг к себе. Добр к людям прежде всего своим творчеством. Вспоминая «малые дела» для «своей» области, для «своего» района, «своего» колхоза. Скажем, электричество, радио... Вот он хлопочет о назначении пенсии старушке из Блуднова, о квартире для череповецкой экскаваторщицы. Помогает направить на учёбу мальчишку из соседней деревни. В письме Яшина к другу есть такие строки: «... речь идет о спасении человека». И просит принять участие, требует... Колхозник сельхозартели «Родина» Николай Васильевич Горчаков вспоминал: «Какой душевный человек был, сколько добра сделал!»

Все это, разумеется, штрихи, но они помогают воссоздавать облик человека высокого благородства.

... Наконец мы добрались до Шадрихи. Местечко приметное.

Река там круто поворачивает, а у правого бережка - островочек. Ивнячком зарос да пыреем по пояс. А река глубокая, заросшая хвощом, рдестом, кубышками, тихая, таинственная. Какие чудные места!..

А кто знает, кто обитает в этом глубоком омуте. Поймали же мы однажды в нем щуку весом 13 килограммов 700 граммов! Александр Яковлевич пристроился на песчаном мыске, снасть закинул. Казалось, что и на этот раз здесь можно отвести рыбацкую душу. Может, подфартит?

Хотя и не терпелось взять в руки спиннинг, поначалу мы дровишек наладили. Натюкали сушняку, сваленную ветром березу в обхват на кряжи разрубили. Знали, что такое осенняя ночь на реке.

Вечерняя зорька зажглась на небосводе. Глядел я на омуток и диву давался: ни одного всплеска, тишь да гладь. А неделю назад воду рябило: так возились подъязки.

Яшин уже, наверное, сменил десятое место.

А мы принялись хлестать блеснами по воде. За весь вечер, пока не загустели сумерки, Юре удалось выманить из-под круг-

А.Я. Яшин на рыбалке. Фото В. Каплина

лых, как блины, листов водяных кувшинок одну щучку граммов на восемьсот. Александр Яковлевич принес трех окунишек. И все-таки мы сварили добрую уху, с которой расправились через пятнадцать минут. Как отведали ее, даже гость заулыбался.

Взошла луна - полная и светлая. Зажглись далекие звезды. Тишина. Только шумливые осинки, то одна, то другая лопотали, перешептывались о чем-то. Юра много и долго рассказывал нам о Чукотке, о чукчах, о своих друзьях-товарищах. Речь зашла о людях сложной и трудной судьбы.

- Как еще понимать ее, эту самую судьбу, - задумчиво произнес Яшин. - Иной страдает от ожирения. Чехов еще об этом говорил. Страдают от потворства к себе, от лени, своекорыстия. А иной мучается совсем по другому поводу. Это, я бы сказал, прежде всего повышенная ответственность за все, что происходит во всей нелегкой жизни нашей. Так-то...

Относил ли он эти слова к себе? Думалось, безусловно, относил. То, что он говорил читателю, было выстрадано им. Мы-то знали, какие у него были беды и трагические утраты. Но только ли это подчас давило ему на душу? Нет. С каким трудом иногда ему приходилось доказывать очевидные истины, бороться за правоту, правду. И, несмотря на потери и утраты, часто травмы, не говоря уже о болезненных уколах самолюбия (а он был очень раним), Александр Яковлевич оставался мужественным и гордым человеком. Он не только не сломился, выстоял, но, исполненный величайшей веры в торжество правды, продолжал писать стихи, которые становились все нежнее и человечнее.

Об этом думалось у тихо угасающего костра. Юра быстро уснул. Яшин то и дело ворочался, подвигая спину к самому огню. Утречком Александр Яковлевич вскочил, его усы белели от инея, а на плече сзади зияли три дыры.

- Вот это рыбалка, - сказал он, протягивая к костру руки. Через минуту-другую рыболов преобразился. Он согрелся у костра, и на душе стало веселее:

Мы поняли, почему не клевала рыба: погода менялась на глазах, обещая быть ненастной. Мы даже на себе ощущали, как то падает, то поднимается атмосферное давление. Да и ветерок тянул с востока. Бывалые рыболовы говорят, что в такую непогоду рыбешка выскакивает даже из ухи.

Чуть позже Александр Яковлевич причалил на плотике к упавшему в воду дереву. Но опять не клевало. Не рыбалка - одна

морoka. Выручил Юра. Он предложил поудить хариусов на перекате.

Едва рыболов забросил леску, и торопливая струя подхватила поплавок, как последовала поклевка. За ней вторая, третья... Хариусы налетали на червяка, как метеоры. В воздухе то и дело мелькало серебро. Такая вот рыба хариус. Ему и давление не помеха.

Ложка льняного масла

«Спасибо, Вадим, и за масло льняное, и за варенье. И не только от меня, а от всех, кто здесь навалился на твои дары. Льняное масло оказалось для всех дивным дивом, редкостью и всем напоминало детство, юность... Сейчас - льняное масло воспринимается как пережиток капитализма (конечно, прогневшего насквозь!)...»

Так писал Яшин из вологодской больницы в январе 1967 года. Замечу кстати, что льняное масло я послал не случайно. Исстари оно считалось лечебным. Сейчас это подтверждено научными исследованиями. У нас льняное масло найти непросто, поэтому больные пытаются достать хотя бы льняное семя. Из него приготавливают лечебный отвар.

Вспомнилось, как нам с Александром Яковлевичем довелось побывать на небольшой деревенской маслобойке. Заводик (его так можно назвать с большой условностью) ютился в ветхом, довоенных времён помещении. И оборудование в нём было стародедовское, сделанное умелыми крестьянскими руками.

Здесь встретились с Иваном Павловичем Сорокиным. Ему уже давно перевалило за семьдесят, но бывший кузнец не чурался никакой работы. Открытое, испещренное сеткой морщин лицо крестьянина светилось улыбкой. В помещении топились печь-жаровня, вкусно пахло поджаренным льняным семенем и дымком. Александр Яковлевич попросил рассказать о приготовлении масла.

- Как масло готовим? - повторил вопрос Иван Павлович. - Очень просто, хотя дело хлопотное. Поначалу семя подсушиваем на печке. Высохнет, пускаем под камень. Камень - тот же жернов.

При помощи специального устройства он вращается по кругу, измельчает льносемя. Раньше для этого использовалась сила падающей воды или лошади. Позднее - электромотор. Размолотое семя просеиваем на решете, засыпаем в кадку-мешалку. Сюда же добавляем два-три ковша крутого кипятка. Содержимое в кадке тщательно перемешиваем и закладываем в металлическую коробку. Коробку ставим в печь-духовку. Размолотое влажное семя приобретает в печи приятный запах.

Прямо из духовки коробка, закрытая сверху чистым холстом, ставится под пресс - толстое, в два обхвата, гладко выструганное бревно, которое давит не только силой своей тяжести, но и посредством деревянного винта, сделанного из берёзового кряжа. Винт закручивается при помощи простейших рычагов. Всё устройство сделано топором Михаила Тимофеевича Берсенева. Его давно уже нет в живых, а пресс служит и служит.

Иван Павлович поставил коробку под бревно и вместе с напарником постепенно стал затягивать винт. Туго зажатое бревно потрескивало.

-Течёт? - спросил своего помощника.

-Ручейком бежит, - отозвался тот.

Капля за каплей, литр за литром накапливалось в специальной посудине чудесное льняное масло - диво дивное. Его не сравнить ни с каким другим. Налейте в квашеную капусту, солёные грибы, овсяный кисель только одну ложку льняного масла, и вы поверите, что это действительно диво. О льняном масле нельзя рассказать, трудно описать его вкус. Его надо попробовать.

Увы! Такую возможность имеют немногие. Этот давний, искони русский промысел, как и многие другие, оказался незаслуженно забытым. У нас, в Никольском районе, льняное масло лишь изредка в небольших количествах производили, да и то лет пятнадцать назад, в двух-трёх хозяйствах.

- А знаете, что, кроме всего прочего, из льняного масла можно изготовить лучшую по качеству натуральную олифу, - сказал вдруг Александр Яковлевич. - Льняной жмых - отличный корм для скота. Специалисты утверждают, что одна тонна жмыха заменяет несколько тонн качественного сена. Вот толкуют: возродить на земле вологодской народные промыслы. Не забыть бы и о льняном масле. Да не примитивным стародедовским способом производить, а на промышленной основе. Право, стоящее дело!

Вот откуда у А. Я. Яшина дотошное знание бытового уклада и

трудовых навыков северного крестьянина в его стихах и прозе. И азарт узнавания, и стремление обратить знания в действие не оставляли Яшина до конца дней.

«Все живое похоже на живое»

В разной обстановке, при разных обстоятельствах приходилось нам встречаться с Александром Яшиным. Он всегда был дружелюбен, словоохотлив, любил перекинуться шуткой.

В мае 1966 года мы наведались к Александру Яковлевичу на Бобришный угор. Домик не заперт, но хозяина не оказалось. На самодельном столике (кстати, смастерил его Василий Белов) лежали свежие газеты, томик Л.Н. Толстого, стоял транзистор. На стенах - трофеи, распяленные утиные крылья.

Александр Яковлевич пришёл через полчаса с букетом первых весенних цветов.

Сначала сидели на крылечке. Отсюда хорошо были видны под угором затопленный ивняк с жёлтыми барашками, воспрянувшая после долгой зимы река. Светил закат, пели птицы, пробовали голоса лягушки. Потом пошли в бор. Чистым он назван недаром: в нём, высокоствольном, прохладном, светлом, - именно ощущение чистоты, подобранности, свежести.

Затеплили небольшой костерок.

- Пламя сближает людей, - заметил писатель, бросая в огонь сухие сучки. - Наверное, от первобытных людей пошло.

Настроенные на шутливую волну, мы предложили поэту дать нам небольшое интервью для районной газеты (совместив, так сказать, полезное с приятным). Он охотно согласился.

И мы начали шутливо-официально на первых порах, а потом...

Первый корреспондент: Как вы живёте и над чем трудитесь сейчас?

Поэт: На Бобришном угоре удивительно хорошо живётся и дышится. И пишется. Не случайно этому угору я посвятил книгу стихов «Босиком по земле». Именно здесь писались в основном стихи этого сборника.

Немало бродил я здесь босиком: и по межам, и по лугам, и по лесным тропинкам. В моей работе был тяжёлый и длительный

перерыв. Сейчас хорошее, творческое настроение. Очень хотелось, чтобы оно ничем не нарушалось и не омрачалось.

Второй корреспондент: И долго предполагаете здесь прожить?

Поэт: До тех пор, пока хорошо пишется. Не забыть бы, прошу передать землякам, что этот домик построен мной для работы и чтобы отношение к нему было всегда доброе.

Первый: Обязательно будем напоминать... А откуда вы, Александр Яковлевич, нагрянули сейчас к нам, в Никольск?

Поэт: Из Харовского района. Гостил у нашего талантливого прозаика Василия Белова. Приятно, что я в своё время находился у истоков его творческого пути, помогал ему. Когда вышла в свет первая книжка стихов В. Белова, я внимательно прочёл её и посоветовал заняться прозой. К моей радости, он внял моему совету. И, посмотрите, как он пошёл, как пошагал. Не всякий за ним теперь угонится. По моему мнению, Василий Белов может стать гордостью советской литературы. Прочитайте-ка его повесть «Привычное дело», это в «Севере» опубликовано...

Второй: Какие произведения выходят у вас в 1966 году?

Поэт: В «Советском писателе» выйдет однотомник прозы. Издательство «Советская Россия» выпускает сборник стихов. Намереваюсь в этом году написать книгу стихов об охоте.

Второй: Расскажите, кстати, как вы провели нынешний весенний охотничий сезон?

Поэт: Охота на пернатую дичь доставила огромное удовольствие. Меньше всего интересуют результаты. Главное быть наедине с природой, наблюдать, ощущать. Несколько ночей мёрз в шалаше на тетеревином току. Наблюдал петушинные бои косачей. Лесные куры садились прямо на шалаш. А вечера на тяге! Зори на утиных перелётах. Всё было... И охота удивительным образом освежает. Как хороший сон. Отвлекает от привычных дум, размышлений.

Первый: Мы видели у вас на столе томик Толстого...

Поэт: Толстого не просто читаю - изучаю. Спросите в районной библиотеке. Мои формуляры испещрены этим именем. Взялся за «Историю искусств»... Хо-орошие книги есть в нашей библиотеке! Не зря она носит имя одного из её основателей Григория Николаевича Потанина. Замечательный учёный и путешественник. Не так уж долго в Никольске в ссылке он был, а какой след оставил! Справедливы его слова, что наш уезд самый дикий и неграмотный в России. Так он от слов-то - к делу. Какую библио-

теку заложил! Вот так и надо поступать. Видишь зло, недостатки, неправду - ополчайся на них. Плечиком, плечиком! На других особенно не уповай, сам впрягайся в первую очередь! Становись в коренник, а пристяжные уж найдутся. Вот этому нас большие люди учат.

Второй: Мы только что прочитали «Босиком по земле». Очень понравились стихи «Спасибо солнцу», «Дорога в небо». Это, конечно, этапные стихи. И, конечно же, рассказ «Угощаю рябиной» в «Новом мире». Слышали, что он переведён на английский, французский, японский, испанский и другие языки. Перепечатан журналом «Семья и школа». Инсценировка этого рассказа передана по центральному телевидению. Как вы сами оцениваете это произведение?

Поэт: Гм...трудное дело. Он многопланов... Действительно, для меня какой-то этап, перевал что ли, с которого хорошо оглянуться и вперёд далеко смотрится. Вы сами хорошо его прочитали? Ещё прочитайте и поймёте, что он для меня значит. Так-то, друзья. Вот «Семью и школу», наверное, какая мысль подкупила: не будешь ухаживать за одомашненной рябиной, заботиться о ней - и запаршивает дерево, ягоды станут мелкими, горькими. А уход - это не только хола, полив там, подкормка, но и такая операция, как подрезка гнилых и сухих сучьев. И от вредителей спасать весьма неприятными способами - окуриванием, опрыскиванием. Всё живое похоже на живое.

Александр Яковлевич неторопливо, тщательно затоптал костерок. И поднялся, высокий, широкоплечий...

В зелёных сумерках видно было, как мерцает весенняя Юг-река. Мы молча пошли за поэтом. Неожиданно Яшин обернулся...

Александр ЯШИН

ВАДИМУ КАПЛИНУ, МЕДВЕЖАТНИКУ

Вот опять поставила
На своём зима.
В шубах горностаевых
Ели
И дома.

Для меня по-прежнему
Дороги до слез
Эти дали снежные
И первач мороз.

Снег до переносицы,
До ушей,
До крыш.
Лишь позёмка носится
По полю без лыж.
Может, вспомним молодость,
Дорогой Вадим,
Где-нибудь за городом
Зайца подсадим?

А быть может,
В добрый час -
Ах, ещё бы раз! -
Старый бог потешит нас
И берлогу даст?

Пусть не очень важную,
Пусть совсем невидную,
Хоть малометражную,
Малогабаритную.

Встали б на медведя мы
Супротив чела,
Кто с ружьём,

Кто с ФЭДом бы -
Была не была.

Эх, кабы
Да кабы!
Снова б наши бабы
Пряли шерсть,
Варили щи
Из медвежьей лапы.

Ну а мы,
Мужчины,
Пили бы чин чином
И, хвалясь
И кочевряжась,
Гнули бы бухтины...

Сколько лет,
Сколько зим,
Дорогой Вадим!
Может, вспомним молодость,
Ружья зарядим?

А.Я. Яшин с В.Каплиным на охоте

Великие тайнства

В творчестве А.Яшина тема родной природы занимает достойное место. Это и неудивительно. В русской литературе она всегда была значительна.

«Лирика, связанная с природой, у Александра Яшина - явление сложное, неоднозначное. Поэт сохранил от крестьянского детства естественность и непосредственность восприятия природы, умение жить и ладить с ней. Природа для него мастерская, но и храм - тоже. Возвышенность чувств, связанных с природой, могла родиться только на удалении, на расстоянии. А вернувшись к земле и природе с опытом, обогащенным социальным знанием и книжной культурой, поэт владеет и более тонким, развитым, многомерным восприятием», - пишет В.Оботуров в книге «Неповторимое как чудо» (очерк о творчестве Александра Яшина, Архангельск, 1978, СЗКИ).

*Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, что творят...*

А.ЯШИН

Поэт убежден, что «братья наши меньшие», живущие рядом с нами, тоже по-своему умные существа (хотя очеловечивать их не следует - В.К.), их надо беречь, быть дружелюбными с ними. В унисон таким добрым чувствам писателя звучат стихотворения «Покормите птиц» (1964), «Голоса весны» (1964), «Бабочка ожила» (1961), «Беличьи свадьбы» (1964) и многие другие.

Весна с ее обновлением природы, пробуждением леса от зимней спячки, возвращением птиц на родину, их неумным гомоном всегда была одним из любимых времен года писателя.

*Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою.*

(«Весеннее», 1967)

Александр Яковлевич хорошо понимал природу, птичьи разговоры.

«Слышу голос птицы, а еще не вижу ее, - писал он в своем дневнике, - не вижу птицы, но уже могу писать о ней. А лучше если увижу, пойму, почувствую больше, поговорю с ней».

- Вам приходилось видеть весной журавлей? - спросил я знаток - охотника с полувековым стажем, писателя А.В.Петухова. - Да, видел и не однажды, - ответил он.

Другой опытный охотник - вологжанин К.М. Советов пояснил так. Весной, насколько я знаю, журавли чаще всего летят небольшими стайками, даже парами. Когда птицы уже близки к своей родине, гнездовьям, они летят на «свои» болота, ориентируются по местности, особенно по церквям, которые далеко видно.

И все же как летят журавли да и другие перелетные птицы, не имея ни карт, ни компаса?

Ученые-орнитологи давно пришли к выводу, что птицы определяют направление по солнцу и звездам, имеют фиксированное чувство времени и фантастическую память, что помогает им запоминать картины ландшафта.

Однако весенние и осенние миграции пернатых до конца не познаны.

Конечно же, Александр Яковлевич был охотником. Охота - это тесное общение с лесом, лугами и водоемами, возможность по-

лучать удовольствие от радости познания, встречи с удивительным миром животных дикой природы.

Вот запись из дневника писателя. «14 апреля (1966 год). Сидел на току в собственном шалашике в летовище. Тетерева еще очень осторожны. Чуфыкают, воркуют, но на деревьях. Видимость тока, видимость драки - и улетели. Пошел лед. Лыдины мелькают многоцветные, как в калейдоскопе».

Безусловно, на писателя оказал свое влияние тонкий и мудрый знаток природы М.М.Пришвин, с которым Александр Яковлевич жил в одном доме, встречался с ним, был близко знаком.

«Так я понимаю природу, - писал М.М.Пришвин, - как зеркало души человека: к зверю и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл».

«Были в детстве моем и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе», - так начинает А.Яшин свой этюд «Журавли».

В пору жатвы (и это очень правильно подмечено автором) журавли улетали на юг. И деревенские жители провожали птиц трогательно и сердечно, желая журавлям доброго пути и счастливого возвращения на родину.

Со временем в поэте охотничья страсть в смысле добычи трофея стала угасать, и он радуется тому, что сохранил жизнь пичуге или любому другому живому существу.

В стихотворении «Люблю все живое» Яшин пишет:

*Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь - друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.*

В.Песков - лауреат Ленинской премии, писатель, корреспондент газеты «Комсомольская правда», заметками о природе которого и сейчас зачитываются (Василий Михайлович много и интересно пишет об удивительных находках, о тайнах, загадках и красоте живого мира), очень давно ружье сменил на фотоаппарат.

«Что дала мне охота? Как это ни курьезно, охота научила любви ко всему живому. Но у каждого охотника бывали случаи, когда опускаешь ружье покоренный проявлением жизни в природе», - говорит В.Песков (Журнал «Охота и охотничье хозяйство», № 6, 2002 год, интервью Карины Соловьевой «Наш гость - Василий Песков»). Экологических проблем сейчас немало. Как сказал один умный человек:

«Становится все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды».

А вот дневниковая запись Александра Яковлевича, сделанная 10 сентября 1967 года: «Бобришный угор я сейчас называю не только облюбванное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но и уже деревню Блудново, в которой я родился и вырос, и район, и город, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся родина моя Бобришный угор. Поэзия - тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном угоре».

Утром, в Лаврушинском

- Граждане пассажиры, наш поезд прибывает в столицу нашей родины, город-герой Москву, - донеслось из динамика. Меньше, чем через час я был в Лаврушинском переулке у Яшиных. Встреча с писателем, его семьей, чаепитие. Разговор до полуночи. Уже все отдохали, но я уснуть не смог.

Подошел к окну. Отсюда, с девятого этажа, видно далеко-далеко... Кремля рубиновые звезды. Россыпи разноцветных огней. Свет неоновых ламп. Каждые четверть часа слышен бой часов на Спасской башне.

Над столицей занимается рассвет. Я уже различаю шкаф, желтую люстру у потолка, букет луговых цветов на столе, портрет Фредерика Шопена, висящие на стене гроздь рябины с пожухшими буроватыми листочками, бубенцы, прясницы со льном...

На диване крепко спит еще один гость, ленинградец, кажется, преподаватель какого-то вуза.

Встало солнышко. В окно вижу Спасскую башню, Дворец съездов, Бородинские ворота, гостиницу «Украина», Успенский собор, колокольню Ивана Великого, церковь Василия Блаженного, высотное здание на площади Восстания, трубы и здание Московской МАГЭС.

Куранты бьют четыре раза. Солнце поднимается все выше и выше. Оно уже заглянуло в «мое» окно. На улице каркает ворона. По стеклянной крыше «Третьяковки» важно вышагивают сизари. Охорашивается галка, чирикают воробьи.

Я знал, что в этом доме жил Пришвин. И, конечно, со своего балкона он не раз наблюдал, как над Москвой встает утро.

Воображение переносит меня в родные вологодские места. Давно встало и так же ярко светит солнце и в моем Никольске. А еще раньше его поднялась блудновская доярка Антонина Горчакова. У своего стального коня колдует тракторист из Козловки М.Н.Нестеров, и, конечно, давно встал беспокойный бригадир А.П. Коноплев.

Да! И Кремль, и собор Василия Блаженного, и воробьи на московских улицах, гроздья рябины и бубенцы в квартире писателя, и родные северные рощи с белокорыми березками - это наше Отечество, наша земля, наша Родина. А своя земля, гласит народная мудрость, и в горсти мила.

Вот почему известный русский писатель Куприн, много лет прожив за границей, возвратился в Россию, вот почему тоскует о ней каждый русский за рубежом, вот почему Ван Клиберн перенес с могилы Чайковского на могилу Рахманинова горстку нашей родной русской земли и посадил куст сирени.

Помнится, Василий Песков в статье «Отечество», которая была опубликована в «Комсомолке», рассказал о том, как впервые он

Земляки В.Кузин, В.Каплин, Ю.Карандашев. Служба в группе войск СА в Германской демократической республике. Потсдам. Апрель, 1953 г.

посетил Красную площадь. «...Было такое чувство, что я сделал что-то главное в жизни, - писал журналист. - Почему-то в тот раз больше всего запомнил стертые подошвами ступеньки по узенькой лестнице. А, может быть, это царапина от посоха Грозного?..»

У меня тоже в памяти воспоминания о первом посещении Красной площади. В октябре пятидесятого, находясь в армии, впервые побывал в Москве. Вместе с другом подзадержались на Красной площади, опоздали в часть и едва не схлопотали строгача. И только тогда, когда рассказали взводному, где мы были, он не дал взыскание.

Потом мне довелось несколько лет жить в ГДР, служить в группе советских войск.

Наше подразделение располагалось в одном из городов земли Мекленбург. В выходные дни мы ездили в лес. В нем было так чисто, словно в парке. Но этот ухоженный лес, без таежного бурелома, обомшелых елей, казался каким-то пустым, прилизанным. И невольно вспомнились слова из песни: «Поют не по-нашему птицы, цветы по-другому цветут...»

Часто к дому, где мы жили, приходили люди преклонного возраста. Они присаживались, подолгу беседовали с нами, расспрашивали о России. Это были русские эмигранты, так называемой первой волны. Прожив на чужбине десятки лет, они не могли забыть место, где родились. Прав В. Песков: «Солнце на земле одинаково светит для всех, но человеку с Родиной оно светит ярче».

Безголосые птицы

Весной, когда станут теплыми дни, когда залетают бабочки, в пору половодья прилетают к нам на север из южных стран кулички-турухтаны. Очень красивы петушки этих птиц в своем весеннем наряде. На шеях у них появились «воротнички», а на голове «ушки» из длинных перьев. Впрочем, воротник спереди прикрывает всю птицу. Каких только цветов не увидишь в весеннем наряде турухтана: белые и черные, рыжие и бурые, зеленоватые, коричневые, синие тона. А на носах петушков появляются зеленовато-желтые бородавчатые наросты. Ноги у этих птиц красновато-желтые.

Воротнички у петушков на следующий год отрастают того же цвета, что и были. И так в течение всей жизни. Где можно увидеть турухтанов? Чаще всего по берегам водоемов: в низинах, залитых весенней водой осоковых болот, на сырых луговинах, около стариц. Там и бывают у этих куликов весенние турниры. Для них птицы выбирают местечко посуше, где-нибудь на горшке или на бугорке.

Турухтаны-петушки - весной очень бойкие, подвижные птицы. Соберется погожим утречком стайка птиц на своем токовище. Сначала прилетают только самцы. Каждый выбирает себе противника, угрожает ему, распутив и взерошив воротник, как, бывает, наш домашний петушок на дворе при встрече с другим задирой. Если противник принимает «бой», начинается схватка. Турухтанчик дрожит, трясется, а затем и переступает с ноги на ногу, насккивает на соперника, старается клюнуть его. То же самое намеревается сделать и его противник. Только вот носики у этих птиц мягкие, да еще и с утолщением на конце. От такого клювика не пострадаешь. Очень скоро, когда петушки устанут от своего прыганья, схватка прекращается. Птицы расходятся в разные стороны, и драки как не бывало. Чуть позднее поединок повторяется, если не на том же месте, то на другом. Для турниров турухтанчики имеют и запасные площадки.

Надо сказать, что турниры куликов происходят молчаливо: ни голосов, ни песен не слышно. Турухтаны - птицы не только молчаливые, но и безголосые, не то что косачи-тетерева. Их не за один километр слышно.

Прилетают на ток самочки турухтанов. Они поменьше петушков да и одежкой куда скромнее. Сразу же «дамам» все внимание. Петушки кивают головками, кланяются, трепещут крыльшками. Где-нибудь неподалеку самки устраивают гнездышки и выводят птенцов. Питаются турухтаны мелкой водяной живностью, насекомыми, червями, семенами трав.

Журавлиная родина

Как-то в мае мы побывали на Бобришном, помянули добрыми словами Александра Яковлевича, поклонились и положили к памятнику букет первоцветов. Затем возвратились обратно в заполье, спустились лесочком по песчаной дороге, переехали за ручеек, миновали борчинку и выехали на берег реки, но выше по течению. Очень живописное местечко на пожнях-луговинах. Там уже стоял «уазик», горел костерок.

Отсюда напрямую до Бобришного рукой подать. Наверно, и четырехсот метров не наберется. Сквозь лиловую дымку ольшаника хорошо просматривались зеленокудрые шапки сосен на высоком берегу. Ниже их к реке-старнице вплотную подходил зеленеющий кустарник, виднелись голубоватые блюдца воды в озеринках, окаймленных зарослями ивняка.

*«Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистная,
И белая березонька
С зеленою косой!»*

- донесли слова некрасовского стихотворения. Их прочитала девушка, скорее всего, старшеклассница. Она стояла у костерка с палочкой и следила за котелками, в которых готовилось какое-то варево. Рядом с девушкой находилась и ее подружка.

И совсем неожиданно, с побережья донесли до нас голоса птиц, которые не спутаешь ни с какими другими. То были журавли. Далеко окрест звучали их трубные голоса: «курлы», «курлы»...

- Смотрите, вон они над рекой, - крикнули девчата.

Журавли летели невысоко, шли клином, вытянув вперед головы и откинув назад голенастые ноги. Птицы ритмично, в такт, но не часто, махали своими широкими крыльями. Подумалось: сколько же раз надо журавлям

взмахнуть крыльями, чтобы добраться к нам на Север из Северной Африки или из Ирака? А летят же, летят! Зато вот она, их журавлиная родина! Они летели для того, чтобы продлить свой род, дать жизнь новому поколению. Везде было покойно и тихо. Казалось, не только мы и девчата, но и березки, и кустистые с желтыми барашками ивы, и река - все слушали голоса птиц.

Через минуту-другую журавли были уже над Бобришным. Курлыкая, они только поднялись чуть выше над лесом и продолжали полет все так же степенно и медленно, как и летели. И все еще были слышны их звучные голоса.

Мы проводили журавлей долгим взглядом. Но грустно, как бывает осенью, нам не стало, потому что это была встреча, а не расставание. Мне вспомнился маленький, любимый всеми самолетик «АН-2» - «аннушка». Летал он лет тридцать назад. «АН-2» перевозил моих земляков, гостей наших, всех, кому надо было попасть в Никольск или улететь в Шарью, - крупную узловую железнодорожную станцию Костромской области. И трудно было оторвать взгляд от иллюминаторов, в которых виднелись зеленое море тайги, поля и луга, родные просторы.

Так вот, этот самолетик обычно пролетал над Бобришным или поблизости от него. То ли избушка писателя служила летчикам ориентиром, то ли на самом деле тут проходил маршрут трассы. Много раз летал на этих самолетах Александр Яковлевич, его друзья и товарищи. Увидев с земли, от реки или из лесу журавлиный клин в небе, писатель всегда останавливался и провожал птиц посветлевшим ясным взглядом, долго смотрел им вслед.

С особой любовью и теплотой относились и относятся к журавлям люди. И называют их ласково: журавушка, журавель, журка.

«Если хоть один раз кому-нибудь из вас посчастливится на утренних зорях услышать одухотворяющие, какие-то необычайно таинственные трубные звуки журавлей и подивиться их оживляющей природу силе, вы не забудете этого никогда - такое душевное воздействие оказывают они на человека», - писал кандидат биологических наук Н.Д. Сысоев.

Я уже говорил, что очень почитал журавлей и наш писатель-земляк. Вовсе не случайно одна из книг А.Я.Яшина так и называлась «Журавли». С какой сердечной теплотой рассказывал писатель об этих любимых своих птицах. Еще в 1954 году им был написан этюд о журавлях. «Улетали птицы на зимовку в жаркие страны, и вдруг нарушился их строй; сбились журавли в кучу, заходили кругами. И припомнились слова, знакомые с детства:

«Клин, клин-журавлин!

Путь - дорога!

Путь - дорога!»

И выравнялся строй, исправился, и полетели птицы дальше».

В одной из своих дневниковых записей Александр Яковлевич рассказывает: «С Павлом Ивановичем (жителем деревни) ходил за реку за грибами. Павел любил задавать мудреные вопросы. Новый вопрос: «Всю жизнь живу, не видел, как журавли весной летят на север, только осенью на юг. Что это такое? Можете ответить?»

Я не смог».

Журавли, конечно же, весной летят на свою родину. Иначе не было бы и журавлиных плясок, не создавались бы семейные пары, перевелись бы и сами птицы. Действительно, весной журавлиные стаи заметны меньше, чем осенью. Бывает, птицы летят ночью, в темноте, да и «разговоров» у них меньше. Птицы летят молча, не часто слышны их звонкие трубные голоса. Это признают и ученые.

«Весной звуки обычно менее концентрированные», - пишет шведский ученый Кай Карри-Лендал в книге «Птицы над сушей и морем». И то сказать, что загадочные процессы весенней и осенней миграции птиц до сих пор до конца не изучены.

Еще только-только начинала отходить от зимней стужи земля, не забродили еще в деревьях весенние соки, не растаял в оврагах снег, и лишь на вербах желтели барашки, а уже свистели в вышине крылья первых птичьих караванов.

Весной словно волшебный мир открывался на Бобришном. Проходила неделя-другая, и уже валом валила птица: водоплава-

ющая и другая. Любо было Александру Яковлевичу посидеть ранним утром в скрадке-шалашике на тетеревином току или сходить на вальдшнепиную тягу. Вот запись из дневника писателя. «Второе утро в шалаше. Тепло. Сыро. Тетерева на деревьях часов с 5 утра. Еще в темноте пролетал один вальдшнеп в стороне Мокруш, с криком пролетели утки. Поют дрозды, со свистом крыльев носятся чибицы (высший пилотаж), «бобочет» заяц. Лед пошел. На берегах много льду, значит «будет тяжелый год для людей, - говорит мать». «21 апреля. 6 часов. Бобришный угор. Встал в три часа. Земли нет, неба нет - все в белом. И в этой белой мути где-то внизу на невидимой реке невидимо постукивают плывущие бревна».

- Ты знаешь почему столь необычны, музыкальны и отрадны журавлиные клики? -спросил как-то меня писатель.

- Знаю, что курлыкают только журавли-самцы, больше ничего не знаю, - сказал я.

Лишь потом, позднее, в каком-то журнале прочитал: все зависит от устройства горла этой птицы. Оно у журавля состоит более чем из трехсот костяных колец. Но и это еще не все. Кольца спускаются по шее вниз, потом загибаются под острым углом вверх и опять спускаются вниз. Такой вот музыкальный инструмент.

Что еще сказать о нашем журавле? Окрас птицы пепельно-серый. Горло и передняя часть лба черные, черные также и маховые перья в крыльях. Да по бокам шеи перья окрашены в беловатый цвет.

Прочитал как-то в справочнике: «Заслуживают повседневной охраны как украшение и живые памятники природы, многочисленны». Значит надо позаботиться о журавлях, оберегать их.

И еще. Журавли не живут за Полярным кругом. Они гнездятся у нас, на русском севере. Здесь для них самая что ни на есть родная земля, здесь их журавлиная родина.

Журавль - это частичка нашей Родины, живое ее украшение. А может, и больше. Может, стоит назвать любимого народом журавля национальной птицей земли русской?

За журавлихой

Журавлиха. Слово это впервые услышал от Александра Яковлевича. Хорошее слово. Не затасканное. Из той самой родниковой речи селян.

Журавлиха - клюква. Растет на моховых болотах, там, где обитают любимые всеми журавли.

Клюква у нас поспевает в сентябре.

Очень полезная это ягода. Да что о ней рассказывать? Все знают. Кто не пробовал клюквенного киселя, варенья, морса, наконец. Клюква хорошо и долго сохраняется. У нас ее даже не заливают водой, хранят такой, какая она есть. Болота, на которых растут мхи, лишайники, клюква, морошка, голубика, - бесценный дар человеку, такой же, а может и больший, дар птицам и зверям. Посмотрите, сколько лесных обитателей, начиная с глухарей и куропаток, водоплавающих, других птиц обитают на болотах или около них. Все они находят здесь не только приют, но и разнообразные корма.

- У нас, в Великоустюгском районе самые крупные медведи осенью пасутся на клюкве, - свидетельствует главный охотовед И.Н.Парфенов.

А перезимовавшая на моховых болотах клюква-«вешница» очень выручает бурых медведей весной. Отощавшие за зимовку звери в это время испытывают большой недостаток в кормах. Медведи покидают берлоги еще в апреле, по снегу. Первое время после зимней спячки звери живут впроголодь. И как только растает снег на болотах, медведи отправляются собирать клюкву. А это не почки лиственных деревьев, не какие-нибудь червячки. Почти мед...

В Никольских лесах болот меньше, чем на западе области. Но широкой полосой болота тянутся с юга на север по правой стороне дороги на Тотьму. С небольшими перерывами болота простираются до Сухоны. А это около двухсот километров. В погожие дни бабьего лета отправились мы за журавлихой в Подболотье Бабушкинского района. Ехали на «ГАЗике» шестьдесят шестом, да еще с лебедкой, хотя она и не понадобилась. Лето было сухим и знойным, дороги высохли.

В Подболотье заночевали у гостеприимных Зотиковых. Главу

семьи звали Савватий, а отчество забыл. Утром позавтракали и поехали через Сосновку в Шипуново. Деревушка эта была давно покинута людьми. Из всей деревни сохранился один дом - пятистенок, который принадлежал тогда колхозу. В нем мы и остановились, выгрузив свои пожитки. За домом, в нескольких десятках метров - озеро. Горя от нетерпения, мы наскоро перекусили и побежали знакомиться с озером. От берегов оно заболачивалось. Местами к нему подступали кустарник и мелколосье. Длина озера была километра полтора, ширина в три раза меньше.

Позолоченные рожицы березовых колков и перелесков тихо перешептывались с порыжевшими зарослями тростника и осоки. Едва мы подошли к воде, как с отмели у бережка взлетел кулик-сорока. Вдоль черных крыльев птицы белела широкая полоса. - «Клип, клип, клип», - закричал кулик, и тут же перешел на отрывистое дятлово - «кик, кик, кик».

На тихой голубоватой поверхности озера там и сям плавали и ныряли дикие утки. Насытившись, некоторые из них отдыхали и охорашивались, чистили перышки, смазывали их жиром. Там же, на озере, в дальнем его конце, маячили фигурки людей. Похоже, что они собирали клюкву. Птицы здесь непуганные, и потому не обращали на них никакого внимания.

Только один раз услышали плеск рыбины. Она бултыхнулась у кустиков осоки. Почему-то рыбы в озере было совсем мало. В этом мы убедились, поставив жаберную сетку. В ней за ночь запутались всего две щучки по 500-600 граммов каждая. Мы возвратились, взяли ведра и тоже пошли за озеро собирать клюкву. Ноги увязали во мху, под сапогами-броднями хлопала вода.

К открытой воде мы старались не подходить, а держались подале.

Хорошо было собирать крупные ягоды: ни о чем не думать, ни о чем не заботиться, отдыхать душевно. Ягоды были крупные, как черешня, только в траве. К вечеру мы с Валентином Рожиным набрали по эмалированному ведру отборной журавлихи. Чего еще надо.

Отдохнули немного и пошли разводить костер. Устроились мы неплохо. У нас даже газ был. Баллон с газом предусмотрительно захватил сын Савватия Виталий. Он занимался сбором сосновой смолы - живицы как раз в этих местах. Когда мы проезжали около его лесной избушки, остановились и взяли баллон с газом. Готовя завтрак или обед, пользовались газовой плитой, но по привычке

тянуло к костру. На открытом огне костра готовили не меньше, чем на плитке.

На следующий день с утра все поехали на другое озеро. Находилось оно в лесу, километрах в четырех от Шипунова. Озеро было круглым, как тарелка. Глубина у берега была три-четыре метра. Там тоже плавали утки. Как нам рассказали, рыба в этом озере не живет. Оно было мертвым. Может, газы какие со дна выходят.

Журавлихи по берегам озера было очень много, только она была мелкая. Кое-где попадались местечки и с крупными спелыми ягодами. И опять мы собирали клюкву, хотя начала уставать спина, тянуло поясницу. Мы с Валентином старше всех по возрасту и особо себя не утруждали. Отдыхали, сидели на кочках.

Утром я вставал рано, выходил из дома, разжигал костер и готовил что-нибудь на завтрак. То утром, то вечером приходил к костру мой новый знакомый - Руф Павлович. Родом он из этих мест, с какого-то починка или небольшой деревеньки. Руфу Павловичу было под семьдесят. Жил где-то на Украине, работал педагогом, преподавал зоологию. Руф вспоминал прошлое, рассказывал много интересного. Да и мне было что рассказать. Только не могли мы с ним наговориться, не хватало времени.

Каждое утро, когда вставало солнце, а то и раньше, из-за поля доносились журавлиные голоса. Звонко кричали птицы, и все в одном месте. Вечером опять трубили журавли. Спросил у Виктора, нет ли в той стороне, где курлыкали журавли, болота?

- Есть, и совсем близко - за бывшим полем.

Я настоял, и сегодня же с утра отправились туда. И что же? Столько журавлихи, сколько мы увидели на этом круглом болоте, я никогда в жизни не видел, и уже тогда знал, что больше столько и не увидеть.

Болото было сравнительно сухим, с холмиками-горушками. Травы на них не было, если не считать низкую жесткую травку «щетинку». Казалось, на болоте была разостлана настоящая скатерть-самобранка, а на ней усыпано крупных, бордовых ягод.

Даже перелетные стаи журавлей не смогли их склевать. А открыли это богатое клюквой болотце нам журавли. За три дня мы с Валентином набрали килограммов пятьдесят журавлихи, а наши товарищи - не по одному мешку. Больше за клюквой мы не пошли, а с другой компанией направились за спелой брусникой на вырубку.

Белые ночи

Это то время, когда, по словам писателя В. И. Белова, «целуются зори». Не успевает потухнуть вечерняя заря - занимается утренняя. Известно: люди делятся на «сов» и «жаворонков». «Совы» долго не ложатся спать, «жаворонки» - раноставы, зимой и летом поднимаются раным-рано. Утром на свежую голову любая работа спорится.

Когда белые ночи, не вставать рано просто не могу. В это время кукует кукушка, поют соловьи и цветет черемуха. Сегодня поднялся и намного раньше солнышко - в начале третьего. Открыл окно. Тишина. Свежесть летней ночи. За окном все еще в дреме: деревья под окнами, цветы на газонах. Не летают бабочки, отдыхают великие труженицы пчелы, даже толстенькие мохнатые шмели не перелетают с цветка на цветок, с былинки на былинку. Давно заметил, что солнце каждый день встает по-разному. Сегодня небо на востоке розовеет, но на глазах выползает черная лохматая туча. Она висит над горизонтом, лиловеет, закрывает солнце. В березовой рощице за дорогой сказалась какая-то малая птица - пропела трельку-песенку и замолчала. Но певунью услышала другая птичка, прозвенела колокольчиком, рассыпалась трелью и тоже замолкла.

Часа в четыре поднялись вороны. Закаркали хрипло. Закричали чайки-мусорщики. Обленились, наверное. Ждут «подачки» от людей, кормятся на свалках. Это легче, чем ловить рыбу, а может, и мало ее стало. Резко кричат нахальные, с узкими заостренными длинными крыльями крачки.

...А туча еще поднялась, заметно подалась вперед. Лучи солнца пробить ее не могут, лишь верх тучи оторочили золотистой каемочкой. С каждой минутой эта светло-золотистая полоса ширится, растет, становится прозрачной. Светило так и не могло пронзить тучу насквозь. Огненный шар солнца поднялся выше нее, озарив землю теплыми светлыми золотистыми лучами.

От легкого дуновения ветерка круглые зеленые листочки молодой еще осинки зашевелились, затрепетали, словно крылья бабочки, висящей на одном месте над ароматным цветком.

Желанны и красивы белые ночи. Светло, как днем. Только вот проходит это славное времечко очень быстро. Уже дни пошли на

убыль. С 25 июня - солнцеворот. С этого дня солнце пошло на зиму, лето - на жару. Так гласит месяцеслов.

Плясуны

Вечером на огонек к моему костерку опять пришел Руф Павлович. Был он, как всегда, побрит, свеж, в чистом джинсовом костюме, в парусиновых летних туфлях. Его голос был громкий и звонкий.

От костерка хорошо просматривались прилегающие к бывшей деревеньке поля, озеро с его тихой, словно уснувшей водой. В дальнем конце озера у островков - сплавин кричали утки. Я угостил Павловича свежей ухой из мелкой рыбешки, жаренной на костре колбаской. Чайком побаловались. Я уже рассказывал, что мой знакомый - здешний, из какого-то починка или деревеньки.

«К нам сейчас и дороги-то нет, все лесом да кустарниками затянуло, - сказал Руф Павлович. - Журавли и раньше на болотах водились. Очень интересовала меня жизнь этих птиц. О том, что весной они устраивают пляски у нас мало кто и знал. А я решил высмотреть, как это происходит. В начале мая было. Встану рано, выйду на улочку и слушаю, где журавли кричат. Больше всего в Дремовитом болоте, в его дальнем углу. Первый раз пошел туда утром, когда рассвело. Пробирался закрайком болота и издали заметил стаю журавлей. Вижу: у птиц два сторожа стоят. Сел на лесину, дождался, когда журавли на кормежку улетят. Место это я заметил: там сухая сосна маячила. Пришел и из посохших корявых сосенок, пеньков, всякого другого хлама шалашик сладил, сверху прошлогодней травой закрыл.

Следующую ночь плохо и спалось. Все ворочался с боку на бок, вставал да на часики поглядывал. Поднялся в самую темень. Чайку попил и пошел. В темноте да по болоту быстро не ушагаешь. К шалашу пришел как раз перед рассветом. Забрался в укрытие. Скоро и светать стало. Место журавли выбрали глухое, укромное. Но просматривалось оно хорошо. Так и не понял, откуда появились птицы. То ли прилетели, то ли из кустов прибежали. Насчитал шесть пар. Журавли были подвижны, бодры. Сначала все разом закричали, вроде как побудку

сыграли. Утро было ясное, но холодное. Трава в голубоватых блестях инея.

Что ни говори, журавль - птица видная. Любуюсь, вот какие высокие да стройные. Про голос и говорить нечего. У кого еще такой есть? Как закурлыкают, затрубят с переливами. Словно по сердцу ударят.

Журавли стояли полукружьем. Гляжу - один сделал шаг, другой. К «даме» направился. Подошел, низко поклонился. И другие птицы шагают к своим избранным да еще крылышками помахивают. Реверанс свой журавлиный исполняют. И все это так ласково и нежно. Потом журавли запритапывали, забегали по кругу, пустились в пляс. Скажу тебе, зрелище впечатляющее. Словно балет «Лебединое озеро» на сцене Большого театра. Его я по телевизору не раз видел. Так вот и у них, журавлей. Были и другие движения и позы у птиц, только все-то я и не упомянул.

Через несколько дней я еще побывал на болоте. И там на сухом местечке нашел в зарослях травы большое журавлиное гнездо. Оно было устлано травой-ветошью, сухим мхом. И было в гнезде два больших продолговатых яйца. Слышал, что на яйцах сидят не только журавлихи, но и глава будущего семейства. Да и пары у журавлей, как и у лебедей, создаются на всю жизнь. Вот это птицы!

Медведя мы не убили

Моя встреча с известным русским писателем Фёдором Александровичем Абрамовым была неожиданной. Он приехал к своему другу А.Я. Яшину на его Бобришный угор. В один из дней писатели появились в Никольске, заглянули ко мне. Пообедали, попили чайку. Тогда и возникла мысль поехать по району, побывать в одном из его дальних уголков.

Выбрали Гороховский починок, тогда уже бывший, так как он, как и многие лесные деревеньки, был покинут людьми. В тот же день на моём стареньком «козлике» ГАЗ-67 отправились в путь.

К тому времени о Фёдоре Александровиче я знал немного. Слышал, что он из плеяды замечательных писателей-«деревенщиков», в те годы определявших лицо русской советской литера-

туры. Все они вершили важное дело, хотя вокруг некоторых их сочинений разгорались страсти, возникали споры и диспуты. Важность же деревенской темы в литературе трудно переоценить. К числу таких писателей тогда относились Валентин Овечкин, Александр Яшин и Фёдор Абрамов, Владимир Тендряков и Владимир Солоухин, Василий Шукшин.

Говоря словами самого Фёдора Александровича, деревня - это и наш хлеб насущный, это и та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: её этика, её фольклор и литература, её чудо-язык. К этим словам писателя можно добавить, что проблема продовольственной независимости страны полностью, всецело зависит от того, как будет родить земля-матушка. Вопрос этот не менее актуален и сейчас.

Фёдор Александрович был смугл, черноволос, среднего роста. Движения энергичны. Только вот улыбка очень уж редко появлялась на его задумчивом загоревшем лице. Угадывалась и незаурядная сила писателя, происходящая, вероятно, от его северных крестьянских корней. Это моё предположение оправдалось: несколько позднее я убедился в выносливости гостя - когда на рассвете мы вышли из деревни Шири и отправились пешком в Гороховский починок. За несколько километров по лесным хлябям. Хотя Фёдор Александрович чуточку прихрамывал, припадал на ногу (сказывалось фронтовое ранение), он не показывал виду, не отставал от нас, а зачастую бодро шагал впереди.

Замечу сразу, что уже после нашей первой встречи, после ночёвки в Ширях у местного учителя (наставника, как звали его в деревне), пенсионера Петра Владимировича Глушкова и его гостеприимной супруги, я испытывал всё нарастающую симпатию к гостю-писателю. И ещё понял, что Фёдор Александрович и Александр Яковлевич были наделены даром пропускать через своё сердце боль и радость других.

У них было много общего и в другом. Они были почти земляками: наши северные области граничат друг с другом. Оба писателя крестьянского происхождения, оба трудились с детских лет, ходили босиком по земле, забредая порой в неведомые, укромные, а то и вовсе глухие уголки и закоулки. Даже характеры были у них схожие: по словам Абрамова о себе, - не сахар. А ещё оба при жизни завещали похоронить себя на своей малой родине. А.Я. Яшин - на Бобришном угоре, Ф.А. Абрамов - в Верколе на Пинеге. Были общими любовь и внимание к простым людям, по-

нимание их проблем, чуткое отношение к чужому горю, крестьянская рачительность и здоровая нравственность. Всего не перечислишь. И, конечно же, явно совпадали и сферы профессиональных писательских интересов. Достаточно назвать нашумевшие в то время «Вологодскую свадьбу» Яшина и «Вокруг да около» Абрамова.

В то время стояла дивная августовская пора. Днём нещадно палило солнце. На вырубках и закрайках сельских дорог то и дело виднелись нарядные малиновые пирамидки кипрея, по-народному иван-чая. Красота необыкновенная. Это растение - отличный медонос, а высушенные листья можно заваривать и пить, как чай. Уже в конце июля поспела рожь. Ее увесистые, пожелтевшие колосья клонились к земле. И стоял над полем ни с чем не сравнимый аромат спелого хлеба. А вот луга опустели - высохли, пожухли травы. И лес был пустым. Грибов не было и в помине - словно чёрт с квасом съел.

Я сразу заметил, что Фёдор Александрович был горячо и искренне влюблён в природу, был её незаурядным знатоком. Не случайно в его произведениях живописны пейзажи, своеобразно открывается красота русского севера. Однако думается, что на первом плане всё-таки была его забота о духовных ценностях нации, о драматических судьбах русской деревни. Не случайно в одной из своих новелл «Чаруса», опубликованной под рубрикой «Наедине с природой», Фёдор Александрович пишет: «Бывает так: устанешь бродить в густом лесу или просто заблудишься в нём. И вдруг выйдешь на манящую изумрудную яркую полянку. Хочется броситься на траву, отдохнуть от дум, от тревог, от усталости. Но... обольщаться нельзя. Это чаруса - болото, трясина».

* * *

...В Ширях вечером писатели засиделись надолго. Ещё по дороге сюда Александр Яковлевич вслух читал только что опубликованного в «Правде» «Тёркина на том свете». Разговор о жизни, колхозной деревне, о хлебе насущном - «Чем живём, кормимся?» - был продолжен за чашкой чая...

Как-то очень задумчиво и значительно Абрамов произнёс: «Прав Лев Николаевич Толстой, сказав, что благо людей в жизни, а жизнь - в работе». Впрочем, эти слова классика можно отнести и к героям произведений Фёдора Александровича.

...На повети, где мы ночевали, под утро особенно остро запах-

ло душистым сеном, стал различим улей, разобранный старый велосипед, трёхрогие вилы.

- Пора, братцы, пора, - первым поднялся Фёдор Александрович. - На зорьке самая охота.

Мы быстро встали, умылись. В поле, за околицей, на горохе увидели большую - не менее сотни - стаю лесных голубей-витютеней. Мы с Фёдором Александровичем направились их скрадывать. Но стая взмыла в воздух, краемхватила нас. Фёдор Александрович разрядил тулку. Мимо.

В конце поля догнали Александра Яковлевича и лесной дорогой зашагали дальше.

- Голубки-то умирать улетели, - сострил Александр Яковлевич.

В низинке у небольшой речушки мы услышали мелодичный посвист рябчика. Я достал манок - металлическую дудочку - и тоже отозвался рябчиком. Ещё и ещё. Но хохлатый петушок, затаившись, молчал. Александр Яковлевич прошептал: «Слишком часто повторяешь песенку, так не бывает, птица замечает подвох». Он держал в руке пищик-свистульку, сделанную из пера глухаря. Тихонько отойдя от нас, Яшин присел на валежник и подал голос. Получилось что-то вроде «ти-ти-тиу-ти» или «пять, пять, пять тетеревей».

После того, как охотник повторил песенку, откуда-то из чащи вынырнул рябчик и уселся на еловый сук в полдерева. Грянул выстрел, и хохлатый петушок упал на землю. Положив рябчика в рюкзак, отправились дальше.

Поднявшись на угор, наткнулись на отпечатки крупных когтистых медвежьих лап. И тут же следки поменьше. Так вот где ты шатаешься, боярыня косолапая!

- Давно замечено, - сказал Фёдор Александрович, - что волки, медведи охотно пользуются дорогами-зимниками, тропами, просеками.

Вскоре лес заметно поредел, в нём стали преобладать березняк, молодой зеленоватый осинник, за ним ольховые мелоча на заброшенных пашнях. Вон и чернеющие скатами крыш избы бывшей деревушки. А овсы здесь посеяла ширинская бригада.

Чудесный вид открывается слева - низинка, а за ней высокие холмы, заросшие хвойным лесом.

Лабазы были приготовлены заранее, поэтому остаток дня мы провели у родника с чистой студёной водой, приготовили суп из дичи, жарили на углях грибы. Побаловались чайком. Время проле-

тело быстро, и когда солнце стало цепляться за верхушки островерхих елей, отправились в засаду.

- Фёдор Александрович, есть шанс отличиться. Выйдут медведи, скамандуй: «В одну шеренгу становись! Первого стреляю, последний падай», - пошутил Александр Яковлевич.

Наши засидки - поблизости одна от другой, в самом углу овсяного поля. С моего лабаза хорошо видно Яшина, который устроился на берёзе, что вышла на опушку леса. В её зелени уже появились жёлтые пряди. Поначалу Александр Яковлевич ворочается, но, устроившись поудобнее, сидит не шелохнувшись. Откуда-то взялись две сойки. Треща на весь лес, гоняясь друг за другом, затеяли драку. Мы проклинаем задир, но ничем не выдаём своего присутствия. Наконец, птицы улетели.

Придёт ли медведь? Эта мысль не даёт покоя. У каждого теплилась надежда на удачу. Солнышко уже скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки. Лес притих, молчит. Нелегко сидеть на тонкой перекладине. Затекли ноги, ноет поясница. Да и комарики жалят, как осы. Так и хочется встать, распрямиться. Из низины, со стороны починка, приполз туман. Метрах в пяти уже ничего не видно. Яшин свистит рябчиком, сигналил фонариком. Мы слезаем с деревьев, собираемся вместе. О неудаче ни слова.

- На починке кто-то есть, - сказал Фёдор Александрович, увидев мерцающий вдали огонёк костра.

Как не пойти к людям? Оказалось, грибки из ближайшего лесопункта.

- Ужинать с нами, - пригласил высокий мужчина в брезенто-

вой куртке. Он неторопливо отдирает от валявшейся на земле люльки-качалки сухие дощечки и бросал их в огонь.

Яшин внимательно рассматривал остов нехитрой деревенской колыбельки.

- И меня мать в такой качала, - вздохнул он, скидывая с плеча ружьё. - И люди здесь жили.

Костёр затрещал особенно сильно, вздымая космы пламени. В тёплых струях воздуха задрожала листва рябины.

- Спалишь дерево-то, посохнет. Не мог подальше разложить, - посетовал другой грибник, отодвигаясь от жара.

- А тебе жалко, что ли? Хватит их, - высокий молча отрезал ломоть хлеба, аккуратно поставил на землю котелок.

- А рябину впрямь жалко, - задумчиво произнёс Александр Яковлевич. Найдя разлапистую корягу, он стал отгребать в сторону от ствола пылавший сушняк и угли. - Надоели разговоры: срубил дерево, а посади два. От многого только разговорами и отходим... Под этой рябиной люди жили, любили, пели песни. - Он запрокинул голову и долго вглядывался в ночное небо.

- Спели они здесь свои песни, - поддержал разговор высокий грибник.

- Они-то спели, - согласился Яшин. - А вот другие, вот мы, увидим эту рябинку и порадуемся. И другие люди. И дрозд вниманием не обойдёт. По травинке - луг, по лесинке - лес собирается. А куда съехали с этого починка?

Грибник Иван охотно пояснил. Кто на центральную усадьбу подался, кто - в лесопункт, благо заработки хорошие, кто - на «селёдку» в далёкий Мурман, кто - на другие «большие города».

Разговор завязался сам собой. Знаток преимущественно архангельской деревни, Фёдор Александрович нашёл в ней многие общины с вологодской землёй черты.

- И всё-таки особенности есть, - он неторопливо прихлёбывал из закопченной кружки.

Оказывается, Яшин неплохо знал и архангельскую деревню.

- Да, у нашей области своя специфика, - соглашался Яшин. - Двенадцать тысяч крохотных деревенок. Множество именно своих особенностей и трудностей, которые неведомы другим областям страны. А знаете ли вы, что в наших краях численность населения по сравнению с довоенной порой сократилась на пятую часть?

- Так ведь война-матушка... - высокий грибник помешивал палкой в костре.

- Не всё война. И отток населения, главным образом сельского, в другие районы страны. Вот «большие города», «селёдка». В одном Первоуральске сколько наших. А в Мурманске! Да и в Архангельске. Наша Юг-река прямёхонько в Двину впадает, свою волну льёт. Наши мужики ещё на баржах хлеб да лён по ней плавил, плоты гнали. Брюкву недаром «галанкой» у нас зовут, «голландкой» значит. Вот откуда пришла. Через Архангельск...

Яшин торопливо, запальчиво заговорил об особенной запущенности сельского хозяйства именно в нечерноземной полосе.

- Так вперёд-то как жить будем? - спросил Иван. - Хотелось бы знать. Я, конечно, сейчас с мотопилой «Дружбой». А сродственники все деревенские, вся родня. И у него вот жена в колхозе, - он указал на высокого в брезентовой куртке.

- Вот рябину беречь, поля клеверить, дело своё делать хорошо, - улыбнулся Яшин, - и смотреть правде в глаза. И ещё. Иногда мы односторонне на вещи смотрим. А жизнь - штука сложная, особенно в наши времена. Жить будем лучше, но и, в общем-то, как поработаем, так и проживём. Эта истина проще простого. И на вечные времена. Оптимизм помогает жить.

- Саша, а сам-то ты не упрощаешь кое в чём? - встрепенулся Фёдор Александрович.

- Я ж так просто, для повседневного обихода, как говорится, - вдруг рассмеялся Александр Яковлевич. - У костра много мыслей в голову лезет, как мошкара на огонь.

Он уже серьёзно, даже хмуро оглядывал собеседников, собирая охотничьи пожитки.

- Спать-то, ребята, в избу идите. Мы сена наносили, всем места хватит, - предложил высокий грибник. И добавил не без иронии. - Или медведей ещё караулить пойдёте?

Мы зашли в избу и устроились на полу. Фёдор Александрович ворочался с боку на бок, возился в темноте Александр Яковлевич. Не спалось.

На Бобришном угоре Фёдор Александрович прожил две недели. «И это были незабываемые дни», - писал позже Абрамов. Друзья не только рыбачили и охотились на уток в старицах, но и побывали у героев повести «Вологодская свадьба», встретились со многими другими земляками А.Я. Яшина, чаще всего с сельскими жителями.

Фёдор Александрович, как и Александр Яковлевич, ежеднев-

но заполнял дневник. А это, на мой взгляд, очень важно для писателя, и не только для него.

После поездки на родную землю друга записей в дневнике Ф.А. Абрамова заметно прибавилось. Появившиеся позднее такие произведения Абрамова, как «На овсах» в одном из толстых журналов, издаваемых в северной столице, «Семь вёрст до небес» в одной из книг писателя - тому свидетельство.

...Быстро, словно облака над землёй, пронеслись год за годом. Банальна истина: жизнь любого из нас кончается смертью. Если человек родился, значит, он умрёт. Давно ушли в мир иной Александр Яковлевич и Фёдор Александрович - оба безраздельно мужественные люди. Вечная им память за высокое служение.

На Бобришном

Лесная поляна в окружении белокорых, стройных берез. Бронзовые, шумящие на ветру сосны. Чуть поодаль разбежались вечнозеленые колючие елочки-подростки вперемешку с серыми зарослями ольховника и кустистыми рябинами.

Гостеприимная бревенчатая избушка стоит высоко на берегу. Ее светлые оконца смотрят на яркое полуденное солнце, на Юг. Внизу река с островком, с быстриком перекатом, на котором серебрится и плещет вода перед крутым поворотом - излукой.

Бобришный угор...

Вся эта красота с детства, с юношеских лет завораживала, запала в душу деревенскому пареньку Саше Попову, позднее - писателю земли русской Александру Яковлевичу Яшину. Бобришный стал для него самым заветным, самым любимым уголком. Потому и был построен здесь писательский домик.

Каждый раз, как только появлялся писатель в Блуднове, он спешил за околицу и знакомой тропой-дорогой шёл к своей лесной избушке.

Весной, когда перелетные птицы возвращались на родину, птичьи караваны шли один за другим день и ночь. Александр Яковлевич любил вставать рано, шел на охоту за тетеревами, на утиный перелет, или, усевшись на крылечке, слушал неумемный птичий гомон: звонкие и весёлые голоса пернатых, на все лады славящих

приход весны и обновление природы. И было слышно, как бормотали тетерева-березовики, усевшись на деревьях в пойме, как тоненько дребезжал в голубизне небесный барашек бекас. Как высоко над землёй звенел жаворонок и совсем рядом, на сосне, куковала кукушка.

Сюда, на Бобришный, часто приходили и приезжали друзья и земляки, и видеть их писателю было радостно. Но, как сказал поэт, «солнце не вечно сияет, счастье не вечно везёт, каждому вдруг наступает рано иль поздно черёд». И здесь, на Бобришном, более тридцати лет тому назад писатель нашёл свой последний земной приют. И столько же раз замерзала, а весной освобождалась от ледяных оков река под обрывом, столько же раз осень раскрашивала Чистый бор, не жалея красок. Благодарные земляки возвели писателю памятник. И часто бывают здесь люди. И не только летом: в дождливую осень и лютую стужу, в февральскую метель и апрельскую ростепель. Идут, чтобы вспомнить. Почтить его память, положить к изголовью памятника букет живых цветов, просто зелёные лапочки сосны или пихты, кустик лесных ягод.

Неумолимо быстро летит время. А мы всё торопимся и спешим, не ведая сами куда. И нам всё некогда в этой суматошной, а для многих пока ещё и нерадостной круговерти жизни. В мирской суете забот нам недосуг посидеть на берегу просто так и полюбоваться природой. Некогда закинуть удочку и выудить краснопёрого голавлика или полосатого окунишку. Впрочем, не стало и рыбёшки, перевелась она. И что тут удивительного? Душат её нещадно всем, что придумается, - от железных зубьев остроги до электрических разрядов, - бездумно уничтожая с весны до глубокой осени. И не внуки наши, а мы сами уже всерьёз подумываем, не махнуть ли на рыбалку на озеро Белое, Лаче или Онежское, чтобы отвести рыбацкую душу. А поближе, за сотню-другую километров, ездят сегодня на рыбалку уже многие.

В этот раз на Бобришный отправляемся на трёх новеньких, сияющих белизной японских джипах. Стрелки спидометра приближаются к ста. Ясно, что до Блуднова, до писательского домика на Бобришном, доберёмся за считанные минуты.

Две машины гостей из Москвы и одна - нашего местного предпринимателя Василия Николаевича Корепина. Мне да, наверное, и Александру Яковлевичу никогда в жизни не приходилось ездить на таких элегантных и быстроходных машинах. Подобных в те годы просто не было. И невольно вспоминалась поездка на Боб

ришный с Александром Яшиным и его другом, тоже известным писателем земли русской Фёдором Абрамовым. Тогда, в конце шестидесятых, мы добирались до Блуднова на моём стареньком штопаном-перештопаном «газике», ГАЗ-67, который мои друзья в шутку называли ХБВ - «хочу быть виллисом».

Что из себя представлял мой «козлик», описал в своём очерке «Семь вёрст до небес» Фёдор Абрамов:

«...Драндулет этот только с величайшей натяжкой можно было назвать машиной. Он был собран из немыслимого разнокалиберного старья, так что даже знаменитая «Антилопа Гну» по сравнению с ним казалась верхом технического совершенства, и я не сомневался, что он рассыплется ещё на улицах Никольска. Но Каплин, великий оптимист, был уверен в своём «козлике» (так он любовно назвал своего рысака). И вот мы благополучно, правда, под насмешки и удивлённые взгляды уличных зевак миновали город, въехали в лес, а драндулет, то и дело чихая и извергая целые тучи вонючего смрада, всё тянул и тянул».

Кстати, в те дни на «газике» мы побывали не только на Бобришном, но и далеко за его пределами. Даже в соседней Костромской области. Я был уверен, что «газик» не подведёт, хотя последние шесть километров до покинутого людьми Гороховского починка шли пешком. Там были такие хляби, что преодолеть их можно было лишь на танке.

Моя уверенность базировалась на том, что во время Великой Отечественной такие вот «газики»-тягачи таскали на фронтах пушки-сорокапятки и здорово выручали артиллеристов. В начале пятидесятых на «козлике» ГАЗ-67 ездил наш командир полка.

Позднее мне, благодаря помощи и стараниям Александра Яковлевича, удалось приобрести другой старенький «газик», но уже более современный, улучшенный ГАЗ-69 «А», который и прослужил мне более четверти века.

Небольшое отступление. В 1972-м пожаловали в наш городок чуть ли не заморские гости: прибалты. Не знаю, каким образом они прослышали о моём «козлике», только приехали ребята из Риги. Не какие-нибудь проходимцы, а респектабельные и интеллигентные молодые люди в кожаных «регланах», с золотыми печатками на пальцах. И пил я с ними рижский бальзам, настоенный не на одном десятке трав. И ребята очень просили продать им мой старенький «козлик»-трудягу. И предлагали крупную сумму денег, какой у меня никогда не бывало, или приобрести новень-

кую «Ниву». А ещё приглашали отдохнуть на Рижском взморье. Для чего же потребовалась им моя старенькая машина?

Прожив за границей, в Западной Европе, несколько лет, я убедился, что западные европейцы, а вместе с ними и прибалты, во многом обгоняют нас не на один десяток лет. Так вот, эти молодцы уже тогда были «новыми латышами», уже тогда там начинался бизнес. Ребята строили дачу. И не какую-нибудь, вроде наших дачных домишек на приусадебных участках, а настоящую. С сауной и пивным баром, с плавательным бассейном, с гаражами и теплицей для выращивания цветов ранней весной. И нужен был им мой тягач-вездеход для подвозки стройматериалов. И хотя дан был мне месяц для раздумий, а потом ещё приезжали эти новые знакомые, только отказался я от выгодной сделки:

- Не могу продать, ребята. Машина - память о старшем товарище.

* * *

... Гости-москвичи то и дело поглядывали на часы и если не нервничали, то, во всяком случае, заметно волновались. Но вот и Бобришный.

Как и по всей России, небывало тёплым выдался октябрь. Ещё ни один заморозок не опалил листву деревьев. Берёзовые гривки стояли в позолоте, в оранжевых одеждах - осины, в красных - рябины. И ещё жёлтые и фиолетовые листочки на деревьях и кустарниках.

Диву даёшься, сколько ярких красок, оттенков и бликов в палитре осенней природы! По земле деловито сновали мурашки. Хотя и робко, робко, но силился застрекотать - в последний раз, наверное, - кузнечик. Сначала я даже не понял: то ли палочки в костерке попискивают, то ли подаёт тонюсенький голосок какое-то насекомое. Да нет, вот он, непоседа-прыгунчик. Сидит на сухом сучке, греется на припёчинке. А тут ещё пролетел мимо нас шмель. Басовито гудя, он направился к лесному прогалу, где виднелись жёлтые цветы золотарника - одного из самых поздних растений-медоносов. Вот они - фенологические, никем не предсказанные аномалии года!

На этот раз на Бобришный вспомнят Александра Яковлевича приехал Юрий Петрович Власов. Его знает не только Россия, но и планета вся. Напомню лишь, что Юрий Петрович - олимпий-

ский чемпион: у него двадцать девять мировых рекордов по тяжелой атлетике, он 12-кратный рекордсмен страны, 5-кратный чемпион мира. Имеет титул «Самый сильный человек в мире». А ещё академик, писатель, общественный деятель.

Вместе с Юрием Петровичем - депутат Государственной Думы Александр Васильевич Коржаков. Приехали москвичи неофициально, в частном, так сказать, порядке, к своему хорошему знакомому. Гости посетили памятные места города, не отказались встретиться с общественностью.

С Юрием Петровичем и неутомимой Музой Вячеславовной Бересневой, педагогом-организатором по литературному краеведению, мы сидим на скамеечке под высоким открытым небом. Солнце греет по-летнему.

У Юрия Петровича - простое русское лицо. Он высок, из-под очков смотрят приветливые глаза. Наш разговор - об Александре Яковлевиче. О высоком сознании долга и предназначении русских писателей, о простых людях, о любви к родной земле, стремлении сделать жизнь лучше и радостнее.

Мы с Музой Вячеславовной рассказывали гостю, как наш замечательный писатель-земляк любил этот заветный уголок.

Как-то в своем дневнике Яшин записал: «Белки бегают у моего дома, и заяц был около моего дома, значит и медведь придет, потому что дом стоит в лесу!» А вот запись в дневнике за 4 мая 1966 года: «Все-таки Бобришный угор - место редкой красоты, из-за одной сегодняшней ночи, из-за одной этой лунной тихой, правда еще холодной ночи стоило строить мою избу. Внизу сияет вода - как море, глубины ее кажутся неизведанными, дали бесконечны, за рекой «бобочет» заяц, с вечера токовали тетерева. На небе вокруг луны небольшие спокойные облака, как оформление ее - все почти роскошная театральная декорация: настолько хорошо, что кажется неестественным».

- Здесь очень легко живётся и дышится. И пишется, - не раз говаривал Александр Яковлевич.

Не случайно этому угору он посвятил книгу стихов «Босиком по земле»...

- А название «Бобришный» откуда произошло? - спрашивает Юрий Петрович.

- Кроме угора, есть ещё неподалеку речушка Бобриха. Очевидно, давно, в старину, здесь обитали бобры, эти очень интересные звери-труженики.

На Бобришном гости провели больше часа. Отведали ухи из свежей рыбы (рыбу привезли из Никольска). Выпили по стопке-другой хорошей водки, помянув Яшина, и уехали.

В голове у меня роилось столько мыслей, раздумий - наверное, больше, чем зёрен в колосе.

Ни для кого не секрет, что вода, земля, хлеб и огонь - вечные, непреходящие понятия или ценности. Без них на земле не прожить ни одному человеку. Они основа нашего бытия. О каждом из этих понятий говорилось и писалось много. Не случайно у слов «родина», «родня», «родник» - общий корень. Ещё Максим Горький писал: «Велика очаровательная сила огня... Разжечь костёр - для меня всегда наслаждение. И я готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая, слушать музыку». «Храни огонь родного очага!», - призывает наша землячка поэтесса Ольга Фокина.

- Пламя сближает людей, - заметил как-то Александр Яковлевич, бросая в огонь небольшого костерка сухие сучки. - Наверное, от первобытных людей пошло.

Каждый раз, когда добрейшая старушка из Рамешек бабушка Сима затапливала печку, приговаривала: «Спичка-невеличка, царек-огонек, сохрани мой теремок...», мне думалось о жизни селян, о нашей северной земле, «о хлебе насущном». А это была, на мой взгляд, одна из важнейших тем, которую поднимали в своих произведениях Александр Яшин и Фёдор Абрамов.

Но прежде, чем начать разговор о хлебе, замечу, что я далёк от политики. Тем более сейчас, когда года мои идут не к Петрову дню, а к Покрову. Да и не раз слышал, что политику, как и колбасу, любят те, кто не знает, как она делается.

Встретился недавно со знакомой старушкой из Блуднова. Она шла с батожком и несла пучок берёзовых веток на веник-голик.

Поздоровался. Новостями перекинулись. На мой вопрос: «Как живёшь, бабушка?» -ответила: «Около седёлка». Хорошо, стало быть. И вспомнила Хрущева.

- Хороший он царь был. Нам, колхозникам, пензею дал. В этом месяце чуть не сотню нам ещё прибавили. Молочко, мясо - своё. Ну, грибки там, ягодки из леса - тоже не помешает. А вот колхоз зря развалили. Если бы в колхозе-то люди робили, питья бы меньше было. А так - делать нечего, все и пьют. Нынче иные бабы-то от мужиков не отстают. Ни ума, ни совести нет. Раньше лучше жили - в одну лямку тянули, - вздохнула землячка.

Насчёт дефицита совести у некоторых моих сограждан можно бы и согласиться с бабушкой, а вот в то, что в деревне делать нечего, работы нет - поверить трудно. Были бы желание, сила да здоровье.

Из зерновых культур истинные хлеборобы больше всего уважают озимую рожь. Поэтому и называют её хлебом севера.

Побывав в гостях у А.Я. Яшина, Фёдор Александрович Абрамов писал:

«Единственно, что примирило меня с нею (небольшой деревенькой Блудново - В.К.), - это белые разливы высокой, хорошо уродившейся ржи на полях возле Блуднова, да зелёная травка-муравка во всю улицу, которая придавала деревне какой-то удивительно сказочный, патриархальный вид».

В самом деле, рожь - наиболее устойчивая зерновая культура в нашем регионе, дающая высокие урожаи и много соломы. И она менее подвержена засухе.

Почти каждый год поле за Блудновом, по дороге на Бобришный, засевали озимой рожью. Понятно, почему. Рядом ферма, навоз. А земля - как тарелка: что положишь, то и возьмёшь.

Шли мы здесь как-то с Александром Яковлевичем. Был конец июля. Нещадно палило солнце. Тучнели хлеба.

Яшин остановился. Сорвал хлебный колос. Растёр его на ладони и, пересыпая с ладошки на ладошку, выдул шелуху. На ладони осталась кучка янтарных зёрен. Попробовал зёрнышки на зубок: «Подходит рожь, через день-два пора убирать». И по тому, как лицо друга озарила улыбка, как радостно заблестели глаза, я понял, что это ржаное поле так же близко и дорого писателю, как и его односельчане, его Бобришный угор.

Никогда не бывало, чтобы враз полегчала жизнь. В последние дни июля в Никольске прошумела развесёлая Ильинская ярмарка. Райцентр помолодел, преобразился.

Раньше неразрешимой проблемой было бездорожье. На вопрос, что такое дорога, шутники отвечали: «То место, которое объезжают стороной». Так оно и было у нас, когда в один из годов молоко из колхозов возили на военных вездеходах-тягачах да на вертолётах.

Конечно, изменились дороги ещё при советской власти. А совсем недавно сдана в эксплуатацию современная автомагистраль Урень - Шарья - Никольск - Котлас. Эта дорога соединила юг и центр страны с севером. Сейчас и Москва, и Вятка, и Урал

стали ближе. И до Деда Мороза в Великом Устюге - рукой подать. И соседи-костромичи подобрали Деду Морозу надёжную спутницу - Снегурочку.

* * *

Так уж случилось, что в Блуднове, после поездки с гостями из Москвы, я побывал ещё раз - через день. Приехал на попутке, и мне некуда было спешить. На Бобришный пришёл под вечер. Всё так же ярко светило солнце. Пахло смолой, грибами, смородиной и ещё чем-то лесным, приятным.

Я расположился на той же скамеечке под окнами бревенчатого домика. С высоких деревьев, с их тонюсеньких веточек неслышно, в одиночку и гурьбой, отчаливали разноцветные листочки. Они мельтешили и кружились в воздухе. Кувыркаясь с боку на бок, словно бронзовая блесна-колыбалка, тихо падали на памятник, на крышу домика, на мою куртку. Устилали землю.

«Лес умирает долго и красиво, уверенный в бессмертии своём», - невольно вспомнились чьи-то стихи. Хотя упавшая листва - это не умершее дерево. Деревья тоже живые существа. Говорят, что Бог их не уравнивал. Живут они, как и люди, по-разному. Они так же стынут от холода и в три погибели сгибаются от ураганного ветра или тяжести снега, засыхают от кислотных дождей.

Выживают, как и всюду на земле, сильнейшие. Таков закон природы. Не так уж и долго опавшая листва пролежит на земле. Она превратится в тлен и будет способствовать лесовозобновлению. А весной набухнут почки, появятся листочки. Лес обновится зеленью...

А я вспоминаю, как из Москвы на родину везли тебя на серебристом «ЛИ-2». Помню, как траурная процессия шла тем же ржаным полем.

«Рожь, рожь... Дорога полевая ведёт неведомо куда», - писал А.Т. Твардовский. Тебя она вела в бессмертие.

Крутились мельницы...

В былые времена в крестьянском укладе жизни немаловажное значение имели мельницы. У нас, на востоке области, да, навер-

ное, и повсюду, чаще всего - водяные. Это и понятно. Надо было не только вырастить урожай, убрать его в закрома, но и довести зерно до дела: получить муку, крупу, толокно. А тут без мельниц не обойдётся. Потому-то на речках и речушках сколько было прудов, запруд, водяных мельниц. Сколько других приспособлений, так нужных крестьянам, крутилось, вертелось на малых и больших реках, порой безымянных ручьях!

Диву даёшься, что, имея в распоряжении лошадку, топор, лопату да пилу, крестьяне укрощали, заставляли работать на себя такие своенравные реки, как Кема и Лундонга, Шарженьга и Кипшеньга, Лоха и другие. Работали не только мельницы, но и маслобойки, станки для производства деревянной стружки для кровли, а кое-где сила падающей воды использовалась для производства электроэнергии. Глядишь, бывало, на такие сооружения и дивишься мастерству человеческих рук.

В прудах и запрудах обитало много рыбы, около них находили приют, гнездились, выводили потомство множество полуводных обитателей, зверьков и птиц. Плотины на речках, сооружения на них находились чаще всего за околицей, на отшибе, порой в лесу. Они гармонично вписывались в пейзаж, оживляли мир природы незабываемой красотой. Не случайно, рассказывая о жизни сельских тружеников, их мастерстве и умении, В.И. Белов в своём известном произведении «Лад» никоим образом не обходит эстетику их труда, чувство прекрасного.

«Эстетика же водяной мельницы, - пишет автор, - возникла на контрастной основе. Кругом дикая, нетронутая природа. Лес и луга, порожистая либо широкая «тихая» река, небо, вода и ветер. И вдруг среди всего этого одиночное, превосходно сделанное сооружение, да ещё действующее шумно и неустанно. Окружающая подобный архитектурный объект природа преображалась и становилась как-то по-особому близкой человеку».

Я не понаслышке знаю о мельницах, повидал их немало. Не забыть пруд, мельницу на речке Пырнуг. Дорога в Нижнюю Кему, в хозяйственный центр колхоза, проходила в двух-трёх метрах от мельницы. Чуть подальше - водная гладь пруда, где то и дело бултыхались рыбы; сосновая гривка на увале, песчаная дорога. Радовалось сердце каждого, кто проходил или проезжал мимо.

Едешь, бывало, по изволоку от Путилова, промчишься полями, пересечёшь борчинку, и вот она - мельница. Поручили

пруд, мельницу, и красота померкла, остались лишь воспоминания.

Я был знаком с некоторыми мельниками, да и от людей слышал, что большинство из них были трудолюбивыми, заботливыми хозяевами, знающими и любящими своё дело.

Челпановская мельница находилась в километре-полтора от деревни. Чтобы попасть на мельницу, надо было пересечь поле и низиной спуститься к реке Шарженьге. На ней и стояла мельница, на берегу - небольшой домик мельника. Торопливые, с белыми барашками воды неслись быстро, образуя поток с водоворотами.

Мельником работал Алексей Павлович Большаков - высокий, с коричневым от солнца и ветра лицом, усами, доброй улыбкой. В конце шестидесятых, когда я с ним познакомился, Алексею Павловичу перевалило за семьдесят. Родом он был из этих мест, из соседней деревушки Иваково.

Где-то в двадцатых-тридцатых годах Большаков построил свою мельницу в устье Шарженьги. Поэтому и звали его в округе Олёша Усьянский. С десятков лет Большаков поработал спокойно. В тридцать седьмом мельницу конфисковали, отобрали дом и хлев и вывезли их для колхоза «Красный маяк» в Иваково. Главе семейства грозили страшными карами, но чудом их удалось избежать, хотя тюремной похлёбки отведал.

Алексей Павлович был отцом большого семейства. В семье было четверо девок и два сына. Старший, Александр, сразу же после того, как лишились мельницы, уехал за пределы района. Алексей Павлович с семьёй переехал из Ивакова в Челпаново. Построил дом, помещение для скота. В Великую Отечественную в армию его не взяли ввиду предельного возраста.

В 1947 году (голодное время) в Челпанове решили построить мельницу. Строительством руководил Алексей Павлович.

Четыре мужика да люди, занятые на подвозке материалов, соорудили мельницу за одно лето, и проработала она более двух десятков лет.

Я частенько заглядывал к Алексею Павловичу, этому трудолюбивому, добрейшему человеку. Стены на мельнице были покрыты мучной пылью. Всюду витал ароматный запах свежесмолотого зерна. К хлебу мельник относился бережно и аккуратно. Муку заметал крылышком. Особо внимателен и чуток был к людям. Вставал Алексей Павлович ранёхонько. Устанет к концу дня, выпадет сво-

бодная минутка, вздремнёт чуток в своей каморке и снова за работу. Как-то в погожий сентябрьский день, в предвечерний час, вышли мы с Алексеем Павловичем на улочку, присели на бережок.

Всё вокруг дышало покоем. По обеим сторонам реки - расцвеченные осенью леса. Берёзовые перелески - в позолоте. Осинки, тронутые багрянцем, желтоватые тальники у самого бережка.

Беседовал я с мельником и замечал, как чутко улавливал он глухой постук пестов, слушал, как что-то выговаривают жернова, ощущал движение, работу каждого механизма. А ведь вместо себя он оставил помощника.

Много лет с тех пор отмерило время, много воды утекло в Шарженьге. Стремительно проносились дни, месяцы, годы. Уже давно нет мельницы на реке, да и самого Алексея Павловича. Но осталась о нём добрая память односельчан.

Я уже отмечал, что крестьяне строили плотины, сооружения не только на реках и речках, но и на малых ручьях.

Помнится, как в войну в пригородном колхозе «8 Марта» колесо с лопастями стояло на речке Куричиha. Само название говорит о том, что ручей этот может перебрести птица. Колесо же крутило молотилку.

Рассказывают, что за деревней Верхний Рыстюг на речушке было сооружено три плотины. В Осинове - хозяйственном центре колхоза «Каменный» - безотказно, круглые сутки работал гидротаран. Он обеспечивал водой скотный двор.

В своё время необычно решили проблему помола зерна в Куданге. Километрах в трёх от таёжной деревушки Калинкино в лесу был талик - незамерзающее зимой болотце. Летом же вода в болотце была очень холодной. Местные умельцы из толстой и длинной осины выдолбили широкий желоб. По нему вода самотёком подавалась к большому деревянному колесу с лопастями и карманами из досок. Карманы один за другим наполнялись водой, под её тяжестью опрокидывались, вращая колесо. От него посредством специального устройства (шестерён) вращение передавалось на толстый деревянный вал, который уже крутился быстро. На вал и был насажен верхний, вращающийся жерновой камень. Нижний жернов, понятно, был закреплён намертво. Мельник регулировал обороты вала. Помимо мельницы здесь же было устроено три ступы. Используя силу падающей воды, на них сбивали шелуху овса,

толкли мякину. Если агрегаты не требовались, вода отводилась в сторону.

Ну как тут не подивиться мастерству и таланту сельских жителей! Мельничные и другие плотины на малых и больших реках - давняя и замечательная русская традиция. Не настало ли время возродить утраченное? Если где зерна нет, то пусть вода небольшие турбины крутит, электричество вырабатывает. Хотя зерновое хозяйство поднимать все равно придётся. Своё зерно - это же продовольственная безопасность страны. Или хоть в прудах пусть рыбу разводят.

Живые слова живой русской речи

Так уж случилось, что с детских лет я знал, что природа загадочна и прекрасна, что жизнь без неё немислима.

Знал потому, что об этом мне рассказывал отец - преподаватель средней школы Николай Александрович Каплин, а вместе с ним я часто бродил в окрестностях нашего небольшого городка, познавая тайны жизни пернатых и четвероногих обитателей лесов, полей и рек.

В походах, у лесных костров, в незатейливых лесных избушках мы встречались с удивительными людьми, добрыми и самобытными, трудолюбивыми, простыми и общительными.

Не переставая удивляться многообразию окружающей нас среды, я не только вел дневник, но и пытался писать небольшие зарисовки и миниатюры о природе. Старался рассказать о ней другим, поделиться радостью открытий.

Немного позднее, где-то в конце пятидесятых годов, я послал некоторые свои зарисовки и рассказы детскому писателю В.В. Бианки. Ответ пришёл очень быстро. Виталий Валентинович участливо отнёсся ко мне и дал много ценных советов.

«Искусство писания рассказов состоит в умении построить сюжет, в экономии средств (ни одного лишнего слова), в умении общаться с живым словом, - писал В.В. Бианки. - У вас намечается любовь к построению рассказов - это уже нечто. С этого нужно начинать трудное и сложное учение писателя.

В родных просторах А.Я. Яшин на берегу реки Юг. Фото В. Каплина

Мама поэта.
Евдокия Григорьевна

Евдокия Григорьевна, А.Я. Яшин, Ф.В. Морозов - шофер, В.А. Оботуров

Ю.П. Власов (слева), А.В. Коржаков, М.В. Береснева.
Крайний справа В.Н. Каплин, предприниматель В.Н. Корепин
Бобришный угор. 1999 г.

Детство

Светлы и красивы белокорые березовые рощицы в любое время года

Дом в деревне Блудново, в котором родился А Яшин

«Пернатая кошка» (ушастая сова)

На первый раз мой совет: не хватайте тех слов, что лежат рядом - только руку протянуть. Всякие эти «яркие» (а какие ещё они бывают?) лучи солнца, «родные природы». Ищите слова живой русской речи и не употребляйте слов «дохлых»: «так как» (из старых канцелярских бумаг), «ибо» (из Библии).

Доводите до полной видимости всё, что описываете: людей, пейзажи, действие.

Присылайте переработанную «Берлогу», подумайте о «Непутёвом».

Думается, что совет писателя употреблять живые слова живой русской речи заслуживает особого внимания. Конечно, об этом говорили и писали многие литераторы, критики и раньше, и ещё будут писать и говорить. Важность пользования живым образным языком трудно переоценить.

Много родниковых и точных слов можно встретить в произведениях писателя-земляка А.Я. Яшина.

В одной из записей в дневнике писателя за сентябрь 1967 года говорится: «Наступило, видимо, бабье лето. Тихо, солнечно, сухо, только ночи холодные. Вода в реке очень холодная. Листья на черёмухах побагровели - не знаю даже, что и за цвет: бордовый и ярко-оранжевый, зелень и золото. Вязы ещё зелёные и здесь, как на Тёмном мысу под Вологдой».

Разве это не чудесный дар колоритной русской речи?

Особо хочется сказать о красоте, образности, яркости и неповторимости языка сельских жителей.

В статье «В краю родникового слова» Ф.А. Абрамов пишет: «Однако, может быть, самый большой, самый непреходящий вклад «Севера» в сокровищницу национальной культуры - это слово. Живое народнопоэтическое слово, в котором полнее и ярче всего замечательная душа северянина, его характер.

«Язык народа, - продолжает учёный, - это его ум и мудрость, его этика и философия, его история и поэзия».

Тысячу раз прав В.В. Бианки, что надо находить живые, незатасканные слова. Скажем, по-разному можно выразить словами отношение охотника к обнаружению в лесу берлоги. Такое бывает не часто, так как найти берлогу так же трудно, как найти иголку в стоге сена.

- Берлога, - увидел он.

Можно сказать и иначе. - Берлога! - ожгла догадка.

За свою жизнь я встречал очень многих людей, с нашей точки

зрения, может, и не очень образованных. Но как они говорили, каким богатейшим языком владели!

Однажды приехал я в Кему (она расположена в юго-западной части Никольского района). В тот год, осенью, в страду, разговоров о медведе было не меньше, чем об уборке урожая. Вот что рассказал мне кладовщик из деревни Горка:

- Медведи ватагами ходят. Анохонька, покоенка, пошла по обабки на Валуихи, днём встретился окаянный. До смерти перепугал, то, наверное, и преставилась.

Ребятишек Саши Бакланова на дерево загнал. Пашке Парфёнову пеньком зафитилил. А ещё к пасеке пробирался. У медведя девять песен и все про мёд.

Рассказывал про медведя и лесник с Борка.

- Услышал я, в соседней деревне медведь корове хребет переломил. Пошли мы его караулить с Ванькой Налименком. Забрался он на лесины, сел на жердочки. Просидели часа полтора, вижу - задремал сосед. Сидит, носом клюёт. А я слышу, медведь близёхонько шастает. То сушину верёхнет, то сучком треснет, то засопит...

- Ванька, проснись! - шепчу и рукой в лес показываю. - Слышь, поуркивает.

- Да это совушки тебя пугают, - сам опять кланяется...

Разговор порой похож на стихи в прозе.

И если зашла речь о медведях, поговорим о них. Испокон века крестьяне на Руси отрицательно относились к волку. Он олицетворял зло, нечистую силу и был лютым зверем.

Медведь тоже хищный зверь, бывает, и корову задерёт, и лошадь. А поди ж ты, отношение к нему совсем иное, чем к волку. Эти сильные умные звери пользовались и пользуются популярностью, особой симпатией людей. И говорить о них принято с уважением. Совсем не случайно косолапый проказник Миша был назван эмблемой Московской Олимпиады-80. Медведь как бы олицетворяет характер русского человека. А каких только эпитетов не дано медведю людьми!

В своей повести «Лесной архимарит» известный и замечательный писатель В. Личутин (кстати, я с ним знаком заочно, получил от него письмо) пишет: «Кто ещё получил столько прозвищ и приговорищ, как таёжный дедко, тот самый лесной хозяин, что правит сузёмками от края и до края, но вдаль от человека не отступает, как бы боится остаться сиротою».

Медведь бурый ходит в народе под званьями: бирюк-зверь, чёрный зверь, лапистый зверь, лесник, раменский, урманый, ломака, ломыга, костоправ, Михайло Иванович, лешак, леший, лесной чёрт, чёрная немочь, мишка, мишук, потапыч, сернацкий барин, лесной архимарит, сморгонский студент (В.И. Даль).

Мой давний знакомый из деревни Чернцово Иван Дмитриевич Шмаков учился в школе всего один год, а сколько метких, порой крылатых слов, самобытности в его образной живой речи.

Есть у Ивана-Дмитриевича увлечение - мастерить различные поделки из бересты.

- Заготавливаешь бересто для солонок и лапоточков, первым делом заботишься, чтобы не погубить дерево, сохранить ему жизнь. Подходишь к берёзе, видишь, что ровнёхонька, значит, хорошее лычко даст. А снять его тоже с умом надо. Наточишь ножичек и тихонечко надрежешь кору или легонечко топориком ткнешь так, чтобы луб не задеть. Умно то берёстышко снимешь, глядишь, живёхонька стоит берёзка, листочки зеленеют.

Или вот выдержка из рассказа охотника Н.А. Глебова:

- В войну я снайпером был, - сказал Николай Александрович. - Только прибыл в часть, выстроил нас командир и скомандовал:

- Кто охотник - два шага вперед!

Вышло нас трое: я и два сибиряка. Подходит начальник и спрашивает:

- Как стреляешь?

- На лету воробью глаз выбью. Я ведь ещё в гражданскую воевал.

- Вижу, глаз у тебя, как у ястреба. Вот нам таких стрелков и надо, - заулыбался лейтенант.

Тут же дал мне командир задание уничтожить пулемётчика, что на костёле засел. Захоронился я в окопчик и жду. Тогда, как и сегодня, - дождь, как из собачьей головы. Промок до нитки, а лежу, караюлю.

Около полудня вижу: пробирается к церквушке немец с котелками в руках.

Дай-ка лодыря уничтожу (по всему видно, что повар). Стукнул, тот и щи пролил. Фашисты второго послали. И того на тот свет отправил.

Гитлеровец в костёле, видно, жрать захотел, выглянул, а мне того и надо. Сшиб я его, как глухаря на току.

А сколько живописных, поистине поэтических названий деревень придумали наши предки: Весёлая Грива, речка Поцелуй и Лебяжье озеро, Битый мыс и Кошачий хвост, Шаборы и Шармановка, Повечерная и Ночная.

А как ёмки, образны и точны пословицы и поговорки деревенского люда: «От Кемы до Кологрива - одна грива, мерял её Тарас, да верёвка оборвалась», «Грибов - хоть шаром покати, слово чёрт с квасом съел», «У медведя силы на десятерых, а ума на дюжину» и многие другие.

Как-то встретил я Марию Константиновну Подольскую из деревни Захарово. Ей более 90 лет было. Жила зимой у сына в Брянске. А летом приезжала на свою родину. Добрая, неугомонная женщина в течение всей жизни работала по-настоящему. Много лет возглавляла льноводческое звено. Во всей округе её так и звали - Мария-льноводка. Кстати, награждена она орденом Трудового Красного Знамени. И портрет её художник Корбаков нарисовал.

Меня очень удивляла её колоритная речь.

«Льняное поле всегда хорошо. Летом ли, когда лён цветёт и голубизна заливаает нивы, осенью, в пору уборки, когда позванивают на ветру золотые бубенчики льна».

Следует заметить, что на селе удивительно точно дают человеку кличку. Каков человек, таково и прозвище.

Надо полагать, каким был человек, если заслужил прозвище Волк, Плут, Хитрый и т.д.

По прозвищу, как сейчас говорят, «кликухе» можно судить, каков этот человек, уважают ли его люди. В деревне Козловка жил замечательный человек, беззаветный труженик механизатор Михаил Николаевич Нестеров. В бригаде, деревне был всюду: у полеводов в поле и на лугах, на складах, на животноводческих фермах. Мог заглянуть и к соседям. И всегда интересовался, как люди живут и работают, в чём нуждаются. И звали его Миша Забота. Разве это обидное прозвище?

Несколько об иностранных словах. Иногда можно обойтись и без них. Скажем, этот пресловутый «электорат», когда можно сказать по-русски «избиратели». Неужели «хобби» лучше, чем «увлечение»? Употребляются, а иногда и часто, не очень-то благозвучные слова. Разве не режет слух Никольщина? По мне, так лучше земля никольская.

В одном из стихотворений А.Я. Яшин писал:

*Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши - тетерева,
Летятина - дичь,
Пересмешки - молва,
Залавок - подобье комода.*

«Лично для меня привлекает значимость именно уловить красоту, неизъяснимую прелесть народного речения, зафиксировать его, понять», - писал Ф.А. Абрамов.

А.Я. Яшин и Ф.А. Абрамов